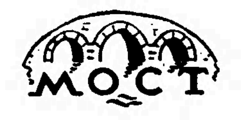
РОМАН ГУЛЬ

КОТОВСКИЙ

АНАРХИСТ-МАРШАЛ

РОМАН ГУЛЬ

КОТОВСКИЙ

АНАРХИСТ-МАРШАЛ

ИЗДАНИЕ 2-е

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОСТ». НЬЮ ИОРК. 1975

Printed by Waldon Press, Inc., 216 West 18th Street, New York, N.Y. 10011

ОТ АВТОРА

В 1932 году в Берлине в изд-ве «Парабола» (то же изд-во, что и «Петрополис») я выпустил две свои книги: «Тухачевский» (красный маршал) и «Красные маршалы: Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский». В то время в Сов. Союзе высшего военного звания — «маршал» — не существовало. «Маршалами» *впервые в истории я назвал вышеперечисленных лиц.* И назвал, конечно, по аналогии с маршалами времен французской революции. В книге «Тухачевский» я писал: «Революции всегда давали много блестящих военных карьер. Правда, почти все эти карьеры (кроме генерала Бернадота — короля Швеции) полны глубокого трагизма. Их вершина — генерал Бонапарт — император Франции. Их паденья — смерти у стенки — неаполитанского короля генерала Мюрата и «князя де Москова» маршала Нея. Еще более темна и страшна смерть в застенке генерала Пишегрю. Русская революция дала своих красных маршалов — Ворошилов, Каменев, Егоров, Блюхер, Буденный, Котовский, Гай, но самым талантливым красным полководцем оказался М. Н. Тухачевский» («Тухачевский», стр. 7, «Парабола». Берлин, 1932).

Только через три года после выхода моих книг — 22 сентября 1935 года — сов. правительство, совершив у меня «плагиат», установило в сов. армии высшее военное звание «маршалов». И наградило им героев моих книг (но не всех): — Тухачевского, Ворошилова, Буденного, Блюхера. Ни Каменев, ни Гай у сов. правительства в «красные маршалы» не попали. Не попал, конечно, в маршалы и Григорий Котовский, которого я возвел в это звание. Да в 1935 г. он и не мог получить это звание, ибо в 1925 году Котовский был убит при весьма загадочных обстоятельствах. Вероятнее всего, Котовского убил агент ГПУ по приказанию свыше. Тем не менее в своем очерке о Котовском я оставляю за ним высшее военное звание «маршала». По-моему, из всех советских «маршалов» это была самая красочная фигура. Обе мои книги о «красных маршалах» были в 30-х годах переведены на французский, немецкий, шведский, польский и финский языки.

Р. Г.

А вы
ноктюрн сыграть
могли бы
на флейте водосточных труб?»
Маяковский.

«Полковник? Никакого тут полковника Котовского — нет! Я — генерал Котовский!»
Из разговора Котовского с поляками.

1. БЕССАРАБСКИЙ КАРЛ МОР.

В 1887 году в местечке Ганчешти Кишиневского уезда Бессарабской губернии, в семье дворянина инженера Котовского родился мальчик Гриша — будущий известный вождь красной конницы. Семья Котовского небогатая, отец служил на винокуренном заводе в имеьи князя Манук-Бея, жалованье небольшое, а у Котовского пять человек детей. К тому ж вскоре в дом вошло и несчастье: когда будущему красному маршалу исполнилось два года — умерла мать.

Григорий Котовский был нервным, заикой мальчиком. Может-быть даже тяжелое детство определило всю сумбурную, разбойничью жизнь. В детстве страстью мальчика были — спорт и чтенье. Спорт

сделал из Котовского силача, а чтенье авантюрных романов и захватывающих драм пустило жизнь по фантастическому пути.

Из реального училища Котовский был исключен за вызывающее поведение. Отец отдал его в Кокорозенскую сельско-хозяйственную школу. Но и сельское хозяйство не увлекло Котовского, а когда ему исполнилось 16 лет внезапно умер отец и, не кончив школы, Котовский стал практикантом в богатом бессарабском именьи князя Кантакузино.

Здесь то и ждала его первая глава криминального романа, ставшего жизнью Григория Котовского. Разбой юноши начался с любви. В имении князя Кантакузино разыгралась драма.

В статного красавца, силача практиканта влюбилась молодая княгиня. Полюбил ее и Котовский. И все развернулось по знаменитому стихотворению — «не гулял с кистенем я в дремучем лесу...»

О любви узнал князь, под горячую руку арапником замахнулся на Котовского. Этого было достаточно, чтобы ненавидящий князя практикант бросился на него и ударил. Князь отмстил Котовскому тем, что дворня связала практиканта, избила, и ночью вывезла, бросив в степи.

Вся ненависть, вся страстность дикой натуры Котовского вспыхнула и, вероятно, недолго рассуждая, он сделал шаг, определивший всю дальнейшую жизнь. Котовский убил помещика и, подпалив именье, бежал.

Через двадцать пять лет Котовский стал почти что «членом правительства России», а княгиня Кантаку-

зино эмигранткой, продавщицей в ресторане «Русский трактир» в Америке. Тогда это было невообразимо.

Корабли к мирной жизни у Котовского были сожжены. Да, вероятно, он и не хотел ее никогда. Ненависть к помещику в практиканте Котовском смешалась с ненавистью к помещикам, к «буржуям», а дикая воля подсказала остальное.

Скрываясь в лесах, Котовский подобрал двенадцать человек крестьян, пошедших с ним на разбой; тут были и просто отчаянные головы и беглые профессионалы-каторжники. Всех объединила воля и отчаянность Котовского. В самое короткое время банда Котовского навела панику на всю Бессарабию. И газеты юга России внезапно записали о Котовском точно также, как Пушкин писал о Дубровском: — «Грабительства одно другого замечательнее, следовали одно за другим. Не было безопасности ни по дорогам ни по деревням. Несколько троек, наполненных разбойниками, разъезжали днем по всей губернии, останавливали путешественников и почту, приезжали в села, грабили помещичьи дома и предавали их огню. Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием. Рассказывали о нем чудеса...»

Действительно, необычайная отвага, смелость и разбойная удаль создали легенды вокруг Котовского. Так в 1904 году в Бессарабии он воскресил шиллеровского Карла Мора и пушкинского Дубровского. Это был не простой разбой и грабеж, а именно «Карл Мор». Недаром же зачитывался фантазиями романов и драм впечатлительный заика-мальчик.

Но исполняя эту роль, Котовский иногда даже переигрывал. Бессарабских помещиков охватила пани-

ка. От грабежей Котовского более нервные бросали именья, переезжая в Кишинев. Ведь это был как раз 1904 год, канун первой революции, когда глухо заволновалась загудела русская деревня.

То Котовский появляется тут, то там. Его видят даже в Одессе, куда он приезжает в собственном фаэтоне, с неизменными друзьями-бандитами кучером Пушкаревым и адъютантом Демьянишиным. За Котовским гонятся по пятам и все же Котовский неуловим.

В бессарабском свете «дворянин-разбойник Котовский» стал темой дня. Репортеры южных газет, добавляли к былям небылицы в описании его грабежей. Помещики подняли перед властями вопрос о принятии экстренных мер к поимке Котовского. Помещичьи же жены и дочки превратились в самых ревностных поставщиц легенд, окружавших ореолом «красавца-бандита», «благородного разбойника».

Полиция взволновалась: уже были установлены связи Котовского с террористическими группами с.-р. По приказу кишиневского губернатора за Котовским началась невероятная погоня. И все ж рассказы о Котовском в бессарабском свете, полусвете, среди «шпаны» и биндюжников только множились. Это происходило потому, что даже в английских детективных романах грабители редко отличались такой отвагой и остроумием, как Котовский.

Арестованных за аграрные беспорядки крестьян полиция гнала в Кишиневскую тюрьму, но в лесу на отряд внезапно налетели котовцы, крестьян освободили, никого из конвойных не тронули, только в книге

старшего конвойного осталась расписка: «Освободил арестованных Григорий Котовский».

Под Кишиневом погорела деревня. А через несколько дней к подъезду дома крупного кишиневского ростовщика подъехал в собственном фаэтоне элегантно одетый, в шубе с бобровым воротником, статный брюнет с крутым подбородком.

Приехавшего барина приняла в приемной дочь ростовщика.

— Папы нет дома.

— Может-быть вы разрешите мне подождать?

— Пожалуйста.

В гостиной Котовский очаровал барышню остроумным разговором, прекрасными манерами, барышня прохохотала полчаса с веселым молодым человеком, пока на пороге не появился папа. Молодой человек представился:

— Котовский.

Начались истерики, просьбы, мольбы не убивать. Но — джентельмэн бульварного романа — Г. И. Котовский никогда не срывается в игре. Он — успокаивает дочку, бежит в столовую за стаканом воды. И объясняет ростовщику, что ничего ж особенного не случилось, просто, вы, вероятно, слышали, под Кишиневом сгорела деревня, ну, надо помочь погорельцам, я думаю, вы не откажетесь мне немедленно выдать для передачи им тысячу рублей.

Тысяча рублей была вручена Котовскому. А, уходя, он оставил в лежавшем в гостинной на столе альбоме барышни, полном провинциальных стишков, запись: «И дочь и отец произвели очень милое впечатление. Котовский.»

Легенды ширились. Человеческая впечатлительность, падкая к мрачному разбойному очарованью, раскрашивала Котовского, как могла. Котовский был тщеславен, знал, что вся печать юга России пишет о нем, но продолжал играть с такой невероятной отчаянностью, риском и азартом, что казалось, вот-вот, того гляди переиграет и его схватит, его противник, пристав Хаджи-Коли. Но нет, Котовский ставит один номер сильнее и азартнее другого — публика аплодирует!

Помещик Негруш хвастался среди кишиневских знакомых, что не боится Котовского: у него из кабинета проведен звонок в соседний полицейский участок, а кнопка звонка на полу. Об этом узнал Котовский и очередная игра была сыграна. Он явился к Негрушу среди бела дня за деньгами. Но для разнообразия и юмора скомандовал не руки, а

— Ноги вверх!

Котовский ценил юмор и остроумие и в других. В налете на квартиру директора банка Черкес он потребовал драгоценности. Госпожа Черкес, желая спасти нитку жемчуга, снимая ее с шеи, словно в волненьи так дернула, что нитка порвалась и жемчуг рассыпался. Расчет был правилен: Котовский не унизится ползать за жемчугом по полу. И Котовский подарил госпожу Черкес улыбкой за остроумие, оставив на ковре ее жемчужины.

Ловкость, сила, звериное чутье сочетались в Котовском с большой отвагой. Собой он владел даже в самых рискованных случаях, когда бывал на волос от смерти. Это, вероятно, происходило потому, что «дворянин-разбойник» никогда не был бандитом по коры-

сти. Это чувство было чуждо Котовскому. Его влекло иное: он играл «опаснейшего бандита» и играл, надо сказать, — мастерски.

В Котовском была своеобразная смесь терроризма, уголовщины и любви к напряженности струн жизни вообще. Котовский страстно любил жизнь — женщин, музыку, спорт, рысаков. Хоть и жил часто в лесу, в холоде, под дождем. Но когда инкогнито появлялся в городах, всегда — в роли богатого, элегантно-одетого барина и жил там тогда широко, барской жизнью, которую любил.

В одну из таких поездок в Кишинев Котовский, выдавая себя за херсонского помещика, вписал несколько сильных страниц в криминальный роман своей жизни. Этот господин был прирожденным «шармёром», он умел очаровывать людей. И в лучшей гостинице города Котовский подружился с каким-то помещиком так, что тот повез Котовского на званый вечер к известному магнату края Д. Н. Семиградову.

Если верить этому полуанекдотическому рассказу, то вечер у Семиградова протекал так: на вечере — крупнейшие помещики Бессарабии — Синадино, Крупенские с женами и дочерьми. Но неизвестный херсонский помещик все же привлек общее вниманье: он умен, весел, в особенности остроумен, когда зашел разговор о Котовском.

— Вот попадись бы он вам — было бы дело! Задали бы вы ему трёпку! — хохочет Синадино, с удовольствием оглядывая атлетическую фигуру херсонского помещика.

— Да и я бы угостил этого подлеца, — говорит хозяин Семиградов.

— А в самом деле, как бы вы поступили? — спрашивает Котовский.

— У меня, батенька, всегда заряженный браунинг, нарочно для него держу. Раскроил бы голову, вот что! —

— Правильная предосторожность, — говорит Котовский.

И в ту же ночь, когда разъехались гости, на квартиру Семиградова налетели котовцы, проникли в квартиру бесшумно, грабеж был большой, унесли дорогой персидский ковер, взяли даже серебряную палку с золотым набалдашником — «подарок эмира бухарского хозяину». А на заряженном браунинге, в комнате спавшего хозяина, Котовский оставил записку: «Не хвались идучи на рать, а хвались идучи с рати».

Рассказывают, что именно этот «скверный анекдот» и переполнил чашу терпенья полиции. Губернатор, узнавши, что у Семиградова на вечере пил и ел сам Котовский, разнес полицию. Дело поимки Котовского было усилено. Вместе с приставом 2-го участка Хаджи-Коли Котовским занялся помощник полицмейстера Зильберг. За указание следа Котовского объявили крупную награду. Хаджи-Коли был хорошим партнером Котовскому и между ними началась борьба.

В этой борьбе-игре, могшей в любую минуту Котовскому стоить жизни, Котовского не оставляла ни удаль, ни юмор разбойника. Когда по Кишиневу разнесся слух, что налет на земскую психиатрическую Костюженскую больницу, где были убиты сторож и фельдшер — дело рук Котовского, последний опроверг это самым неожиданным образом.

На рассвете у дверей дома Хаджи-Коли вылез из пролетки человек и позвонил. Пристав поднялся в ранний час, заспанный, отворил дверь.

— Хаджи-Коли, я Котовский, не трудитесь уходить и выслушайте меня. В городе распространяется подлая ложь, будто я ограбил Костюженскую больницу. Какая наглость! На больницу напала банда, работавшая вместе с полицией. Обыск у помощника пристава вам откроет все дело.

И перед оцепеневшим полураздетым Хаджи-Коли Котовский быстрыми шагами подошел к пролетке, а его кучер вихрем дунул от квартиры пристава.

Расследование, произведенное по указанию Котовского, действительно раскрыло дело об ограблении больницы.

Яростная ловля Котовского Зильбергом и Хаджи-Коли не прекращалась. История «бессарабского Карла Мора» стала уже слишком шумным скандалом. За шайкой Котовского по лесам гоняли сильные конные отряды. Иногда нападали на след, происходили перестрелки и стычки котовцев с полицией, но все же поймать Котовского не удавалось.

То на то, то на другое именье налетал Котовский с товарищами, производя грабежи. К одной из помещичьих усадеб подъехали трое верховых. Вышедшему на балкон помещику, передний верховой отрекомендовался.

— Котовский. Вероятно, слыхали. Дело в том, тут у крестьянина Мамчука сдохла корова. В течение трех дней вы должны подарить ему одну из ваших коров, конечно, дойную и хорошую. Если в три дня этого не

будет сделано, я истреблю весь ваш живой инвентарь! Поняли!?

И трое трогают коней от усадьбы. Страх помещиков перед Котовским был столь велик, что никому и в голову не приходило ослушаться его требований. Вероятно, и в этом случае крестьянин получил «дойную корову».

Напасть на след Котовского первому удалось Зильбергу. Меж Зильбергом и Хаджи-Коли шла конкуренция — кто поймает гремящего на юге России бандита? С отрядом конных стражников Зильберг налетел на шайку Котовского. Но Котовский с полицейскими вел настоящую войну. И в результате стычки не Котовский, а Зильберг попал в плен.

Вероятно, Зильберг считал себя уже мертвецом. Но в который раз Котовский сделал «эффектный жест». Он не только отпустил Зильберга с миром, но подарил ему якобы, еще ту самую «серебряную палку с золотым набалдашником», которую украли котовцы у Семиградова после знаменитого вечера. Только, отпуская Зильберга, Котовский взял с него «честное слово», что он прекратит теперь всякое преследование.

Конечно это было нереально. Прекратить преследование Котовского вряд ли мог и хотел Зильберг. Да к тому же, Зильберг верил, что во второй раз в плен к Котовскому он, вероятно, не попадет. Но Котовский любил — «широкие жесты благородного разбойника» — и только остроумничал и хохотал, отпуская Зильберга, уносящего серебряную палку — «подарок эмира бухарского».

Но не прошло и месяца, как Зильберг, конкурируя с Хаджи-Коли, схватил потрясателя юга России,

героя 1001 уголовных авантюр и политических экспроприаций. Через провокатора М. Гольдмана Зильберг устроил Котовскому в Кишиневе конспиративную квартиру и на этой квартире схватил и Котовского и его главных сподвижников.

Правда, не прошло года, как котовцы убили Гольдмана, но сейчас весть о поимке Котовского печаталась уж в газетах, как сенсация: —

Котовский пойман и заключен в Кишиневский замок!

2. ТЮРЬМЫ, НЕРЧИНСКАЯ КАТОРГА, СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОР.

Высокой каменной стеной опоясан Кишиневский тюремный замок. Вокруг стен снаружи и внутри каждые сорок метров — часовые. В зданье тюрьмы ведут тройные, тяжелые, железные ворота с маленькими волчками. Все — крепко замкнуто. Не убежать, а подумать о побеге из кишиневского замка трудно.

Но заключенный в высокую башню замка Котовский шагал — три шага вперед, три назад. — распевая густым мощным басом старую тюремную песню: «Не ваше дело часовой, вам на часах должно стоять, а наше дело удалое, как бы из замка убежать...» Это было — обдумывание плана первого побега.

Не один раз и не из одной тюрьмы бежал Котовский. И каждый его побег — глава романа Конан-Дойля. Мощный, атлетически-сложенный, необычайной физической силы и железной воли человек, Котовский выдумывал самые фантастические, «нахаль-

ные», как называл он, — планы побегов. Дело было не только в том, чтобы бежать, но бежать так, чтобы «вся Россия» заговорила о побеге Котовского. «Эффект» любил неудержимый анархист-разбойник.

Первый план побега был таков. Котовский решил: — разоружить всю тюремную охрану, захватить в свои руки тюрьму, вызвать по телефону товарища прокурора, полицмейстера, жандармских офицеров, всех здесь арестовать, вызвать конвойную команду, обезоружить ее и потом, имея в распоряжении одежду арестованных и конвойных, инсценировав отправку большого этапа из Кишинева в Одессу, захватить поезд и уехать на нем из города. По дороге же скрыться с поезда всей тюрьмой.

Более невероятный и несбыточный план наверное никому никогда не приходил в голову. Но недаром же зачитывался фантастическими романами мальчик Котовский. И шагающий взад-вперед по камере арестант Котовский, напевая любимые песни, остановился именно на этом плане.

Этим планом Котовский сумел поделиться с товарищами по тюрьме. Его план и слово для арестантов — закон. И 4-го мая 1906 года все пошло по приказу атамана. Во время прогулки по двору тюрьмы двое, непошедших на прогулку котовцев, постучались в своих одиночках, прося вывести в уборную. Когда надзиратель выпускал их, котовцы набросились на него и обезоружили. Так был приобретен первый револьвер. Как приказывал Котовский, бандиты бросились ко второму надзирателю в другой коридор. И под направленным на него дулом револьвера сдался и второй надзиратель.

Двух надзирателей, сопровождавших арестантов на прогулке, по сигналу Котовского схватили, заманив в карцер. Все шло, как нужно. Котовского отомкнули и он спускался с башни по внутренней лестнице во двор, чтобы разыграть самое главное.

Выбежав во двор, размахивая газетой, Котовский кричал по молдавански, вызывая на двор тюрьму: — Эггей, манафес, манафес! — Бандиты бегали по корридорам, крича, что вышел манифест об освобождении всех. Тюрьма высыпала во двор. Высунувшегося было из корпусных ворот привратника, Котовский схватил за горло, у него отняли ключи.

Но дальнейшее проведение плана сорвалось. В тюрьме поднялась суматоха. Несколько арестантов, воспользовавшись ей, бросились к стене и, перемахнув через нее, побежали куда глаза глядят. Наружные часовые сразу открыли по ним стрельбу, Котовский понял, что фантастический план сорван, но решил итти напролом. Он метался по двору, крича, зовя арестантов и во главе тюрьмы бросился штурмовать уже вторые ворота замка.

С гиком и криком арестанты сорвали вторые ворота, но у третьих на арестантов бросились солдаты наружного караула. Котовского ранили в руку штыком. Арестантов оттеснили во двор тюрьмы. Одни, видя поражение, кинулись назад в камеры. Другие забаррикадировались в корридорах. Держа перед собой два револьвера, забаррикадировавшись в своей башне, герой невероятного плана, на крики — Сдавай, оружие! — отвечал: —

— Сдам только, если губернатор приедет и даст слово, что не будет избиения!

Извещенный о бунте губернатор приехал в тюрьму. Тюремный скандал властям был неприятен. Котовскому дали слово, что избиения не будет и сдавший оружие Котовский должен был считать, что «нахальный» план побега всей тюрьмой — не удался.

Нещадно ругал Котовский тюремную «шпану», сволочь «уголовников-Иванов», сорвавших план, и следующий план решил ставить, учитывая только свою фантазию и свои личные силы.

На этот раз побег удался. Правда, этот побег был уже смесью романов Конан-Дойля с романами Вальтера Скотта. Ореол «благородного разбойника», красавца «шармёра», давно имелся у Котовского и в осуществлении второго плана сыграла заглавную роль светская женщина, любившая Котовского и его ореол. Уже несколько раз жена видного административного лица в городе посещала в тюрьме Котовского. Свидания невинны. И помощник начальника тюрьмы Бебелло даже начал отходить от правил свиданий. А любившая Котовского женщина пошла на преступление, рискнув всем: — положеньем мужа, своим, быть может, даже тюрьмой для себя.

Она передала Котовскому начиненные опиумом папиросы, дамский браунинг, пилку и тугую шелковую веревку, запеченные в хлебе.

Побег удался.

Но не сразу, а долго и тонко соблазнял Котовский надзирателя Бадеева папиросами. И все же соблазнил. Глубокой ночью, при заснувшем в корридоре Бадееве, Котовский перепилил две решотки, выгнул их наружу и прикрепив шелковую веревку светской дамы, стал спускаться во двор тюрьмв.

Когда Котовский был уже невысоко над землей, вышедший во двор, надзиратель Москаленко заметил скользящую в темноте по стене фигуру и мгновенно узнал, кто скользит вниз к земле. Но страх перед уже спрыгнувшим Котовским заставил Москаленко вместо крика замереть. Москаленко мог только прошептать:

— Григорий Иванович, это вы?

— Я, а это вы, Москаленко? — прошептал Котовский.

— Я, Григорий Иваныч, я.. только ради Бога не трожьте меня, не убивайте...

— Что ты, друг милый, за что я тебя убью, если не сопротивляешься. Давай-ка сюда затвор, так спокойней будет, — говорил Котовский, наведя браунинг на Москаленко, — да вот помоги мне лестницу к стене приставить. Поднимать тревогу тебе нет расчету, ночь темна, сменишься, не заметят и вся недолга.

Так и вышло. Москаленко помог Котовскому приставить лестницу. Со стены Котовский бросил ему затвор винтовки и, спрыгнув, исчез в ночи.

Лишь на рассвете, на третьей смене часовых, увидели висящую веревку и обнаружили исчезновение из башни Котовского. В городе поднялась тревога: — «черный ворон», глава банды анархистов, Котовский бежал из тюрьмы и опять на воле!

Но меньше месяца погулял в этот раз на воле Котовский. Анархиста предал провокатор каменщик Еремеич, он приютил Котовского у себя и привел полицию.

В сумерках весь двор дома, где засел Котовский, оцепили вооруженные полицейские во главе с Хаджи-Коли. Котовский увидел, что попался, но не догадался о предательстве хозяина.

Решил, чем умирать застреленным в комнате, (чего, вероятно, хотел Хаджи-Коли) попытаться прорваться сквозь полицейских. Этого Хаджи-Коли не ожидал. Котовский неожиданно бросился со двора, стреляя направо и налево. Ранили его только в первом переулке, куда метнулся Котовский, но легко, в ногу. В переулке поднялась стрельба и свалка двух полицейских с атлетом-анархистом. Но из свалки, из стрельбы, раненый в ногу, Котовский все же вырвался и бросившись на проезжавшего извозчика, сшиб его с козел и погнал лошадь.

Пользуясь темнотой, Котовский скрылся на окраине города. Ночь провел на бахчах, где с раненой ноги снял сапог, обмыл ее арбузом и той же ночью, добравшись до Костюженской больницы, в ограблении которой когда-то подозревали Котовского, нашел там приют у знакомого доктора.

Но в характере Котовского была доверчивость. И здесь она подвела. Из больницы Котовский послал записку тому же рабочему, члену партии с. р., провокатору Еремеичу. Еремеич снова привел полицию на след раненого Котовского. Тут уже было проще. И Хаджи-Коли схватил Котовского.

Это было 24 ноября 1906 года. Котовского вернули в тюрьму, но посадили не в башню, а в секретный коридор, в полуподвальное помещенье, чтобы был всегда навиду у стоящих на дворе часовых, и заковали накрепко в кандалы.

Но и тут Котовский предпринял ряд попыток к побегам. Перестукиваясь с сидящими в тюрьме 30-тью анархистами, над которыми висела смертная казнь, предлагал подкоп из «крестовой башни». Подкоп на-

чался. Но после двухмесячной работы был провален провокатором С. Рейхом.

Тогда Котовский стучал анархистам новое: «все равно казнят, предлагаю восстанье всей тюрьмы!». Но анархисты на уговоры Котовского не пошли, хотя вскоре их и казнили.

Вероятно, в способности подчинять себе людей у Котовского было нечто родственное Сергею Нечаеву, который в алексеевском равелине, в кандалах, подчинял себе караульных солдат, делая из них сообщников. Слово, приказание Котовского стало законом для всей тюрьмы. И терроризированное тюремное начальство пошло на сговор с несколькими уголовными, чтоб убили Котовского в «случайной драке».

Уголовные каторжане — Загари, Рогачев, Козлов — составили довольно страшный план: в бане ошпарить Котовского кипятком и «добить шайками». Но Котовского предупредили уголовники «его партии» и когда этот план «смерти в бане» не удался, вырос план убийства булыжниками на прогулке во дворе.

Этот план Загари, Рогачев и Козлов попытались привести в исполненье. На тюремном дворе разыгралось страшное побоище меж арестантами «за Котовского» и «против Котовского». И Котовский вышел из боя победителем. А вскоре Котовский получил приговор суда: — «десять лет каторжных работ». Говорят, что приговор он принял совершенно спокойно.

— Ддессятть ллет, этто жже ппустякки в сравненнии с вечностью — заикался Котовский.

И Котовский зазвенел кандалами по этапу в Сибирь в Нерчинскую каторгу. По дороге из Кишинева к Бирзуле в этап влилась партия каторжан-одесситов;

выделялся черноглазый, белозубый каторжанин небезызвестный палач Павка-Грузин. Говорят, начальник конвоя подослал его к Котовскому с провокационным предложением побега. Полагали, что с отчаянным палачем Котовский попытается бежать.

Так и вышло. В Елисаветоградской тюрьме, куда в подвал согнали партию пересыльных, Павка-Грузин предложил Котовскому перепилить решотку, выбраться, обезоружить часового и... прощай неволя!

Но, когда Котовский приступил к осуществленью плана, партию выгнали вдруг на отправку. А на вокзале конвойные взяли Котовского в отдельный вагон, обыскали, нашли в подметках тюремных котов пилки, и, доведя до Николаевской центральной тюрьмы, посадили в одиночку, применив строжайший режим.

Котовский понял, что спровоцирован Павкой-Грузином. Положенье Котовского отяжелилось. Долгое воемя просидел он в централе, но с новой партией погнали дальше в Сибирь.

Окруженная тройной цепью конвойных и конных стоажников, шла партия в двадцать человек политических и уголовников во главе с Котовским. Со времени пеоегона из Кишинева Котовский узнал Елисаветоградскую, Смоленскую, Орловскую тюрьмы, наконец vшел из Европейской России, зазвенел кандалами по Сибирским дорогам.

Из Сретенска на Горный Зерентуй через Шелапугино переходами по 40-45 верст гнали партию. Стояла лютая, сибирская зима, налетали ветры, слепила пурга, ежились, ругались уголовники. Котовский поражал и конвой и арестантов необыкновенной выносливостью и

выходками спортсмена. В крепкий мороз вдруг оголялся до пояса и шел полуголым. На привалах по рецепту Мюллера начинал махать руками, приседать и растираться снегом.

Конвойные смотрели на арестанта-атлета с удивлением и смехом.

— Вот легкий пассажир, сроду такого не видали.

— А вы за ним в оба, в оба глядите, а то дунет, не смотри что нагишом, он и нагишом по Сибири пойдет, — приказывал старший. И вздохнул облегченно, когда на Нерчинской каторге оставил Котовского, погнав этап дальше.

На Нерчинской каторге, на приисках, в шахтах, глубоко под землей два года проработал Григорий Котовский. Еслиб Достоевский встретил такого каторжника, в «Мертвом доме», вероятно, подолгу бы беседовал с ним. Котовский был странным и интересным человеком. Из острых, черных глаз не уходила и грусть. Может-быть осталась от сиротского детства и фантастических книг. Он мог прикрыть последним тряпьем мерзнущего товарища. А мог всадить в горло нож солдату, преграждающему путь Котовскому к свободе, к побегу. Говорят, Котовский плакал глядя на нищих, оборванных детей. Но если охватывала этого черного силача злоба, от его взгляда самые крепкие убийцы уголовники уходили, словно собаки, поджав хвосты. Необычная сила жила в Котовском.

Два года готовился Котовский к побегу с каторги. И зимой 1913 года, работая по подаче песков, накинулся на двух конвойных, убил булыжниками и, пере-

махнув через широкий ров, скрылся в сибирском лесу, в тайге.

Тайга. Тысячи верст дикого простора и бездорожья. «Славное море священный Байкал... Бродяга Байкал переплывает... Котел его сбоку тревожит, сухарики с ложкой звенят...» Котовский до дна испил кровь, убийства, кандалы, русскую каторгу.

Бежав с каторги, четыре года нелегально шлялся по России. Сначала в Томске в Сибири, но тянуло на родину, в Бессарабию, где цвели сливовые сады пышным цветом и хаты молдаванскими пестрыми коврами, где родилась и прогремела его разбойничья слава.

На Волге Котовский узнал подлинную рабочую жизнь. Работал в Жигулях бурлаком, грузчиком, смеялись над атлетом бурлаки: не курил и вместо водки пил молоко. Только ел на славу: яичница из 25 яиц была любимым блюдом.

Но не для работы, не для того, чтобы гнуть спину родился в дворянской семье этот заика-мальчик. В Балашове на мельнице Котовский выдвинулся своей недюжинной силой — подковы ломал. Хозяин назначил смышленого силача десятником. А в одно утро, когда Котовский составлял с хозяином в конторе наряд на работу, вдруг выхватил десятник револьвер и наставил на хозяина:

— Руки вверх!

Котовский отобрал деньги и скрылся из Балашова, как в воду канул. Только осенью 1914 года вынырнул у себя на родине в Бессарабии. Но с год никто не знал, где Котовский. По чужому паспорту он служил в Бессарабии управляющим большим именьем. Любитель «отчаянных положений» жил удивительной двойной

жизнью. Образцово управлял именьем, хозяева его работе нарадоваться не могли. Но это — одна сторона.

А другая — в Бессарабии уж начались зловещие налеты и грабежи. Грабила банда беглых с фронта солдат во главе с Котовским. Полиция снова начала охоту за ним. Переведенный в Петербург, в царскую дворцовую охрану, пристав Хаджи-Коли был снова командирован в Бессарабию ловить Котовского.

И в который раз погубила Котовского доверчивость и любовь к позе.

Какому-то погорельцу-крестьянину, дал деньги, сказав:

— На-ка, братец, постройся заново. Да брось благодарить, не свои даю. Котовского не благодарят...

Мужик так и обмер: это имя знала вся Бессарабия.

По мужику-погорельцу отыскался след. Именье, которым образцово управлял Котовский, ночью к полному удивленью хозяев, было окружено сильными отрядами полиции, во главе с полицмейстером Кишинева и приставом Хаджи-Коли. Это было 25-го июня 1916 года в селе Стоматове Бендерского уезда.

Больше двадцати крупных налетов и грабежей, не считая мелких, числилось за Котовским. Управляющий сразу понял, что это за шум, за гомон, за крики и топот лошадей по усадьбе.

Но решил дешево не сдаваться. Котовский забаррикадировался в доме, начал отстреливаться от наступающих полицейских. Помещица узнав, кто в течение года управлял ее именьем, упала в обморок. В доме произошел бой.

Но бой был недолог. Тяжело раненый в грудь и

потерявший сознание Котовский был схвачен полицией и под конвоем привезен в Кишинев.

Котовский знал, что теперь грозит смертная казнь. Был уверен, что повесят, хотел только одного, чтобы расстреляли. Того, что через несколько месяцев над Россией разразится революция, которая сделает его красным генералом — не предполагал.

Дело Котовского было назначено к слушанью в военно-полевом суде. К Котовскому применен был исключительный режим, его охраняли день и ночь, боясь фантастических побегов.

Одесский военный губернатор самолично настаивал на ускореньи следствия, но дело Котовского было чересчур обширно и требовало длительного расследования. Все ж в феврале 1917 года, под усиленной охраной полиции, Котовский был доставлен в зданье военно-окружного суда.

Суд квалифицировал Котовского, как обыкновенного бандита, отрицая всякую революционность его налетов и грабежей. Котовский заявил себя анархистом, горячо отбрасывая все обвинения в грабежах с корыстными целями.

— Я — анархист! И в постоянной борьбе с вашим обществом, которое мне враждебно!

Котовский крепко знал, что на этот раз общество победило и от смерти не уйти, но держался мужественно и последнее слово закончил так:

— Если я вообще могу просить суд, прошу об одном — не вешайте меня, а расстреляйте!

Суд совещался недолго и председатель генерал Гутор, впоследствии перешедший к большевикам, но не достигший, как Котовский, положения «красного мар-

шала», огласил приговор: — «Дворянина Григория Котовского, родившегося в м. Ганчешти... за содеянные преступления... к смертной казни через повешение...»

Под усиленным конвоем Котовского вывели из подъезда суда, повели к тюремному автомобилю. Далеко оцепив улицы, городовые разгоняли толпу любопытных одесситов, желавших хоть раз взглянуть на «черного ворона». Но эскортируемый конвоем автомобиль быстро увез Котовского в тюрьму.

Такого жизнелюба, такого неподходящего к смерти человека, как Котовский, в тюрьме охватила страшная тоска по жизни. Котовский схватился за невыполнимый план побега с прогулки, несмотря на то, что выводили его закованным в ручные и ножные кандалы. «План создан. Риска 95 %. Но выбирать не из чего...» — сообщил он политическому заключенному Иоселевичу, прося его помощи.

Но тут совершилось несколько малых и больших непредвиденностей. Котовский знал, что Одесса «говорит о Котовском». Но не подозревал, какое сильное движенье поднялось в городе за его помилование. Не среди «черных воронов» и биндюжников, ценивших Григория Ивановича за то, что его ни на Бога, ни на мат, ни на бас не возьмешь. Нет, движенье по спасенью жизни Котовского поднялось в иных кругах.

Особо энергичную борьбу за освобождение бессарабского Робин Гуда повела, влиятельный в Одессе человек, генеральша Щербакова. Когда день казни был уже близок, генеральша Щербакова добилась невероятного: — оттяжки казни.

Может надо быть русским, чтоб понимать всю «эксцентричность души» не только Григория Ко-

товского, но и генеральши Щербаковой. Во всяком случае казнь Котовского — затянулась. Кроме Щербаковой захлопотали общественные круги, интеллигенция, писатели, начали выноситься резолюции, обращаться просьбы. А Котовский готовил «хоть какой-нибудь побег».

Но как ни влиятельна была генеральша Щербакова, все ж от смерти спасти Котовского не могла. Смертная казнь была назначена. Григория Котовского, разбойника с тяжелым детством, атлета с уголовной фантазией — должна была неминуемо затянуть петля на раннем рассвете во дворе Одесской тюрьмы.

Но тут пришла бо́льшая, чем генеральша Щербакова, непредвиденность.

Над Россией разразилась революция, буревестником которой был Котовский.

Уж отрекся царь, уж опустел Зимний дворец,власть над Россией взяли в свои руки русские интеллигенты. Но Керенский еще не успел отменить смертную казнь и петля висела над Котовским.

За дело помилованья взялся теперь известный писатель А. Федоров .Федоров Котовского не знал, но, вероятно, как писателю — Котовский был ему интересен.

Федоров вошел в небольшую узкую камеру, где сидел закованный Котовский.

Котовский — «шармёр». Это знала Одесса. Знал это и Федоров, и генеральша Щербакова, и та невыданная Котовским светская дама, принесшая ему пилки и шелковую веревку.

Прим. автора: О своем свидании с Котовским А. Федоров рассказал в фельетоне «О разбойнике-генерале».

В узкой тюремной камере Федоров увидал мускулистого силача, с красивым, немного грустным лицом и острыми проницательными глазами. Когда Федоров сказал, что хлопочет перед Временным Правительством не только об отмене смертной казни, но и об освобождении Котовского, тот улыбнулся и ответил.

— Я знаю, что вас интересует во мне. Вы интересуетесь, как я представляю себе свою жизнь, сейчас, после революции? Да? Я скажу вам прямо, я не хочу умирать и хочу милости жизни, но я хочу ее пожалуй даже не для себя, я могу обойтись без нее. Эта милость была бы показателем доверия и добра, но не ко мне одному... Впрочем, — улыбнулся Котовский, — я бы постарался оправдать...

— Конкретно, — проговорил Федоров, — что вы хотите?

— Свободы! Свободы! — вскрикнул Котовский, зазвенев кандалами — но свободы, которую я бы принял не как подарок, а как вексель по которому надо платить. Мне тюрьма теперь страшней смерти...

Котовский, задумавшись, помолчал. Потом заговорил, как бы сам с собой:

— Я знаю свою силу и влияние на массы. Это не хвастовство, это знаете и вы. Доказательств сколько угодно. Я прошу послать меня на фронт, где благодаря гнусному приказу № 1 делается сейчас черт знает что! Пусть отправят меня на румынский фронт, меня все там знают, за меня встанет народ, солдаты. И вся эта сволочь, проповедующая бегство с фронта — будет мной сломлена. Если меня убьют, буду счастлив умереть за родину, оказавшую мне доверие. А не убьют,

так все узнают, как умеет сражаться Григорий Котовский.

Котовский говорил без рисовки, с спокойной твердостью.

— Нет, теперь умирать я не хочу. И верю, что не умру. Если смерть меня так необычайно пощадила, когда я уже был приговорен к казни и ждал ее, то тут есть какой-то смысл. Кто-то, судьба иль Бог — улыбнулся он, — но оказали мне доверие и я его оправдаю. Теперь только пусть окажет мне еще доверие родина, в лице тех, кто сейчас временно ее представляют, — и не возвышая голоса он вдруг добавил:

— Мне хочется жить!

И с такой внутренней силой, которая почувствовалась в мускулах, в оживших темных, тяжелых глазах.

— Жить! Чтоб поверить в людей, в светлое будущее родины, которую я люблю, в ее творческую духовную мощь, которая даст новые формы жизни, а не законы, и новые отношения, а не правила.

Впечатление Федорова от посещения Котовского было даже сильнее ожидаемого. Хлопоты об освобождении пошли полным ходом. В «Одесских новостях» Федоров напечатал статью «Сорок дней приговоренного к смерти». Статья прошумела и создала широкую волну за Котовского.

А когда в Одессу, проездом на румынский фронт, прибыл военный министр А. И. Гучков и здесь же был морской министр А. В. Колчак, в гостиннице «Лондон» Федоров добился с ними свидания. Министры отнеслись скептически к ходатайству писателя, но Федоров указал, что казнить нельзя, ибо революция уже отменила смертную казнь, оставить в тюрьме бес-

смысленно — все равно убежит. И министры согласились, что единственным выходом из положения является освобождение. К Керенскому пошла телеграмма и от Керенского вернулся телеграфный ответ: революция дарует преступнику просимую милость.

Прямо из тюрьмы освобожденный Котовский приехал к Федорову. Взволнованно сжав его руку, глядя в глаза, Котовский сказал:

— Клянусь, вы никогда не раскаетесь в том, что сделали для меня. Вы почти не зная меня, поверили мне. Если вам понадобится когда-нибудь моя жизнь — скажите мне. На слово Котовского вы можете положиться.

На этом кончился разбойный период жизни Котовского.

И началась военно-революционная карьера.

3. КАНДАЛЫ С АУКЦИОНА.

Поза. Подчас замечательная. Подчас безвкусная. Но всегда с максимальной экспрессией. Это в грабеже, в побегах из тюрем, на войне, во всей жизни влекло Котовского.

Когда в Одессе бушевала революция, Котовский из тюрьмы на эту сцену вышел не просто. Он вышел «в кандалах» и в первый же вечер поехал в оперный театр, где шло представление «Кармен».

На сцене пели дует дон-Хозе и Кармен, но вдруг по публике, захваченной представлением, пробежал легкий шорох, шепот, наконец гул голосов. Артисты

сразу заметили этот свой разрыв и разъем меж ними и публикой. А по залу уже явственно шел шум и гул: — «Котовский ...Котовский... Котовский.»

Широко распахнув двери, меж ошарашенными капельдинерами в зрительный зал вошел он сам, герой 1001 ночи, несколько раз раненый, несколько людей убивший, Григорий Котовский в руках со своими гремящими кандалами.

В зале произошло замешательство. Не только в зале, но и на сцене. Артисты почувствовали себя побежденными гораздо более сильным эффектом.

С кандалами в руках Котовский сел в первом ряду. Одна, когда-то им ограбленная дама упала в обморок. Весьма галантно Котовский привел ее в чувство. Он прекрасно понимал, что это, вероятно, было «сильное переживание». А в антракте, с кандалами в руках, отправился в фойе.

Здесь, окруженный разнообразной толпой, Котовский взлез на что-то долженствовавшее быть трибуной. Он произнес тут речь о свободе, о России, о себе Григории Котовском. Слушатели были потрясены. И когда в заключенье Котовский закричал мощным басом, покрывая шумы зала, что продает сейчас же свои кандалы в пользу родившейся русской свободы, крик его был покрыт громом аплодисментов и кандалы — единственная движимость Котовского — в десять минут были куплены за 10.000 рублей каким-то, влюбившимся в революцию, буржуем. Позднее Котовский сам записал так: «Медовый месяц февральской революции. И буржуазия покупает мои кандалы.»

Это было «шикарно». Именно так любил Григорий Котовский. Теперь вся Одесса знала и следующую

сногсшибающую новость: — Котовский едет на фронт в кавалерию.

В Одессе в одном из квартировавших кавалерийских полков Котовский прошел короткую военную подготовку. И раньше был хорошим наездником, а теперь на карьере смаху рубил глиняные чучела так, что только дивились вахмистры-кавалеристы. Стрелком же без промаха Котовского заставили стать еще прежние разбойные ночи.

Шик, удаль, лихую внешность любил Котовский. Надел алые гусарские чикчиры с позументом, венгерку, мягкие, как чулки, сапоги с бляхами на коленах и шпоры с благородным звоном.

По Одессе, где в былом ловила Котовского полиция, обещая награду за его голову, — теперь он ходил гусаром. Но Котовский торопился на фронт. Перед отъездом, уже во всем фронтовом, заехал к Федорову. Подружившийся с писателем странный разбойник долго отказывался от подарка — английского непромокаемого плаща. Наконец, смеясь, сказал:

— Не пропускает дождя? Ну, хорошо, надеюсь, что не пропустит и пули.

Такими «полуисторическими» фразами любил говорить Котовский. Он уехал на фронт, еще раз напомнив Федорову, что когда ему понадобится жизнь Котовского, пусть скажет.

На румынском фронте шло тогда наступление Керенского. Котовский сразу привлек внимание начальства, за боевые отличия в первые же дни получив Георгия. А за проявленную храбрость в дальнейших боях был произведен в прапорщики и принял в коман-

дование отдельную казачью сотню, с которой совершал смелые разведки в неприятельском тылу.

Трудно сказать, как сложилась бы судьба Котовского, если б Россия не вспыхнула большевизмом. Но этот начальный большевизм увлек Котовского.

В полном развале фронта, когда кругом шли грабежи прифронтовой полосы, горели именья и местечки под напором разнузданных вооруженных банд, Котовский избирается в президиум армейского комитета румынского фронта. Здесь впервые он столкнулся с большевиками.

— Я — анархист, — говорил Котовский, но между мной и вами пока что не вижу разницы!

Развал армии шел стремительно, фронта уже не было. Самотеком бежали отовсюду солдаты. В эти дни у старых профессионалов войны — генералов, полковников, обер-офицеров — захлеснутых волнами революции, опустились руки и выпали возжи. Стихия ножа и красного петуха была чересчур страшна. Но прекрасный наездник «анархист-кавалерист» Котовский в алых чикчирах, с кавказской шашкой чувствовал себя в этой стихии, как в отдохновенной ванне.

Он умел атаманствовать. И в развале фронта начал самовольно формировать кавалерийские отряды.

Жители Кишинева, натерпевшиеся от бегущих с фронта грабительских солдатских орд во главе с выбранными командирами-кошеварами и каптенармусами, в один прекрасный день поразились, как диву, когда на праздничной улице, заполненной любопытными горожанами, появился необычайный кавалерийский отряд.

Не в пример другим отряд ехал в колонне по-шести, кони наподбор, конь к коню, ладные, убранные, даже

не солдатские, а офицерские кони, вероятно, краденые из богатых имений или взятые у ссаженных с седел офицеров. Едут с треплющимся в ветере красным штандартом. Запевалы, в на ухо заломленных папахах, поют куплеты, от которых покраснела вся улица.

А впереди отряда на танцующем горячем вороном жеребце, уперев крепкую руку в бок, сидит плотный, мускулистый человек, с крепким затылком, с крутым подбородком, темными властными глазами. Он не смотрит в толпу на тротуары. Она должна смотреть на эту великолепную картину. И толпа смотрит на предводителя отряда, на танцующего под ним тонкокровного жеребца, волнующегося от похабных куплетов. Смотрит и не узнает: — «Да это ж Котовский...»

«Котовский... Котовский...» — пронеслось по толпе. Грабежи... легенды... убийства... И вдруг кто-то гаркнул на всю улицу:

— Ура, Котовский!

Но Котовский только поднес руку к малиновой фуражке, полуобернувшись в седле скомандовал:

— Рысью... марш!

И отряд, оборвав пенье, поскакал за несущимся впереди вороным жеребцом начальника.

Это было то время, когда Котовский уже вступил в борьбу с белыми, формировавшимися под командой генерала Щербачева. В первых же стычках Котовский попал к генералу Дроздовскому в плен, но счастье не изменило Котовскому — бежал.

В Одессе, где еще так недавно Котовский гулял гусаром, творилось уже нечто невообразимое. Власти сменялись кинематографически: — украинцы, немцы, большевики, григорьевцы, белые. Это был котел стра-

стей и авантюр, как раз подходивший к страстям и авантюрам Котовского.

Отряд Котовского таял в стычках с белыми, румынами, украинцами и его вождь вдруг махнул в центр российского пожара — в Москву. В Москве в Кремле сидели не «падающие в обморок дамы». Они не ужаснулись биографии, ходившего не раз на «мокрое» Котовского. А правильно оценили недюжинные способности, смелость и отвагу этого талантливого и лихого человека. Неважно, что анархист. Сейчас все на красную мельницу. А там — разберемся.

И Котовскому в Москве дали задачу: нелегально ехать в занятую белыми Одессу и там действовать, поддерживая связь с коммунистическим подпольем.

Поздней осенью, с фальшивым паспортом на имя помещика Золотарева, Котовский появился в одесском революционном подполье. Но уже через три дня, газеты оповестили город, о его появлении.

Никто еще не знал, с кем этот уголовно-террористический герой? Для чего приехал в белую Одессу, переполненную иностранцами, французами, греками, англичанами, итальянцами, поляками, румынами, где сплелась борьба белой контр-разведки с коммунистами, анархистами, левыми с. р. и уголовниками во главе с Мишкой Япончиком.

О Котовском печатались зондирующие статьи: с кем же этот прапорщик революционного времени? Но уж через месяц Одесса знала, что анархист Котовский лезет сквозь пожар России, как лось, напролом, сквозь чащу горящего леса.

В Одессе Котовский набрал под свое атаманство 30 дружинников из разбойного и уголовного мира вперемешку с коммунистами. Котовский брал людей «по глазам». Одним взглядом видел: годится ему или нет.

И снова вся Одесса заговорила о Котовском. Ему это, вероятно, надобилось. Уж давно молчали. А тут опять вспыхнули феноменальные по смелости грабежи-приключения.

Данная подпольем задача коротка: убийства полицейских агентов, провокаторов, террор в отношении белой контр-разведки, экспроприации деникинского казначейства, налеты на банки и частных лиц.

И сразу после первого «дела» рука Котовского была узнана всей Одессой. На одном из одесских заводов забастовали три тысячи рабочих. Зачинщиков забастовки выдали полиции, на фабрику выслали войска и под их охраной старались возобновить работу.

Если верить «фантастическим рассказам», Котовский проделал следующее: написал письмо фабриканту: «немедленно договориться с рабочими, уплатить за вынужденный прогул и добиться у властей освобождения забастовочного комитета». Если б стояла иная подпись, но — Котовский? И срок в три дня? Визит с револьвером?

Фабрикант, будто бы, сообщил о письме в контр-разведку. Контр-разведка распорядилась поместить у парадного входа и во дворе засаду в 50 человек. К тому ж, главное управление разведки помещалось в соседнем с фабрикантом доме.

Три дня прошли. Но на пятый, вечером, к дому фабриканта катил щегольской лихач под зеленой сеткой и у кучера часы на поясе. Подвез капитана в ши-

нели с иголочки, капитан покуривал сигару. Рысак замер, лихач намотал возжи на кулаки. Капитан вылез из экипажа и очень быстрыми шагами вошел в подъезд, крикнув:

— Эй, кто дежурный, живо сюда!

Начальник засады вышел, за ним вышли вооруженные люди. Котовский заговорил:

— Я по поручению коменданта города, мы имеем сведения, что нападение произойдет через пятнадцать минут. Разбудите резерв, зарядите оружие, будьте наготове. Я пойду предупрежу хозяина, чтоб не испугался стрельбы. Живей! — И капитан быстро взбежал по лестнице.

Хозяин был уж в халате, ложился спать. Но дверь отперли и капитана впустили.

— Я к вам по порученью коменданта города, положенье чрезвычайно серьезное, вам угрожает нападение, нужно принять все меры.

Хозяин прошел с Котовским в кабинет, а в кабинете разыгралась, будто бы, известная, исполняемая по шаблону, сцена: — револьвер, «я — Котовский», и требование денег. Деньги были вручены. Но сцена еще не доиграна. Котовский хочет оригинальности.

Спрятав деньги, Котовский приказывает хозяину звонить в контр-разведку:

— Помогите, у меня Котовский!

И когда перепуганный на-смерть хозяин взялся за трубку телефона, капитан вышел из кабинета и, сбегая по лестнице, крикнул начальнику отряда:

— Держитесь! Я сейчас приду с подмогой! Котовский будет минут через десять! Постарайтесь продержаться до моего возвращения!

Щегольской лихач рванулся от подъезда в то время, как из помещенья разведки бежали уже люди к квартире фабриканта.

Если верить, этим «делом» Котовский открыл авантюры в Одессе. Та ж изобретательность, та же смелость, то ж разбойное остроумие. Но Котовский в своем отряде крепко переплел политику с уголовщиной. Может быть из всех периодов, этот период самый темный в жизни Котовского. В Котовском самом не было корысти, но его окруженье состояло из настоящих бандитов и «налеты» смешивались с явным разбоем.

То Котовский переодетый офицер, то дьякон, то помещик. Грабежи днем и ночью. На столбах Одессы расклеены воззвания, предлагающие за выдачу Котовского и его сообщников крупную награду. Но именно эту то «игру жизнью» и риск каждой минуты и любил Котовский.

Котовский играл. Играл так, как играют в кинематографе. Говорят в этом человеке жила большая тоска, смешанная с патологической жаждой крутить перед всем миром трехтысячеметровый криминальный фильм, на который «нервных просят не ходить».

В бытность Котовского в Одессе ему приписывается и следующий «трюк».

В разгар своей войны с полицией и белой контрразведкой, когда гонялись за ним по Одессе, Котовский, будто однажды сообщил бандитам, что налет назначенный на вечер — отменяется.

— Поеду в театр. Хочу отдохнуть. Послушаю «Евгения Онегина».

И несмотря на полное остолбенение, крики, руга-

тельства, и протесты коммунистов-бандитов, он отставил назначенный налет без разговора.

— Чтооо? — и Котовский медленно повернет лысый круглый череп, останавливая на сопротивляющемся ему, Котовскому, тяжелые камни глаз. Этого достаточно. Всякий отойдет, как собака, потому что если анархист Котовский что-нибудь хочет, то этому нет препятствий.

— Пппонялли? — зазаикается Котовский и пойдет своим широким тяжелым шагом атлета.

Котовский любил музыку по настоящему. Сам недурно играл на корнет-а-пистоне. Но это любительство. Он больше всего любил Чайковского и, как хотел, поехал в оперный театр.

Это было весной 1919 года. В цилиндре, в смокинге ехал, немного опоздав, Котовский в театр. На пышных дутиках на бандитском лихаче по веявшим мартовским теплом вечереющим улицам Одессы, где на столбах объявлена награда за его жизнь. Но он едет слушать Петра Ильича Чайковского.

Первый акт прошел благополучно, никто не обратил вниманья на крупного, рослого барина в смокинге, сидевшего во втором ряду и слушавшего Чайковского с подлинным наслаждением. Но в антракте глаз Котовского уж различил «нечто». Заметались какие-то штатские. И через несколько минут он явно услыхал свое имя.

В театре началось второе представление. «По Котовскому». Говорят, «с ужасом и восхищением» следили некоторые, как в партере поднялся и медленно пошел меж кресел крупный красивый человек с блестящей лысой головой. Не тот уж Котовский: уж обрюзг, ожирел, у рта легли глубокие складки, глаза чуть при-

щурены и под глазами густая сетка морщин. Это немного уставший волк. Но еще очень сильный.

Котовский чувствовал облаву. Знал, что теперь надо одно: «бить на психологию». Боковые выходные двери заняты сыщиками. Но в руке с цилиндром Котовский идет не туда, а прямо к главному выходу. Надев чуть на бок цилиндр, медленно спускается с лестницы, в упор смотря своими черными напористыми глазами в глаза стоящему внизу, кажется, сыщику. Сыщику остается только радоваться: за голову Котовского награда и Котовский идет прямо на него.

Но вот почти подойдя, Котовский вдруг останавливается, вынимает из кармана сигару, затем откусывает кончик и вежливо просит у агента прикурить. Тот подымает застывшую в руке папиросу. Может-быть Котовский сейчас начнет палить из маузера? Секунда, два шага и Котовский несется по Одессе на своем лихаче.

Одесские уголовники — Мишка Япончик, Домбровский, Загари, и другие — ненавидели Котовского, за то, что чего-то в нем не понимали. Зачем, в сущности, этот бывший «барин» отбивает у них хлеб? Котовский же презирал «уголовников-Иванов», «мокрушников», потому, что знал **зачем** эти люди идут на грабеж и убийство.

С уголовником Япончиком безжалостно расправился этот немного уже начавший уставать, с сдающим сердцем Григорий Котовский. Япончик набрал под своей командой отряд, сражавшийся вместе с большевиками против белых. Но когда в этом миновала надобность, Котовский посоветовал красным уничтожить

уголовников оригинальным способом: — пустить на украинских повстанцев атамана Григорьева, обещать резервы и не дать резервов. Так этот отряд уголовных и был целиком вместе с Япончиком уничтожен григорьевцами.

Весной 1919 года подпольная жизнь Котовского со всеми авантюрами кончалась. На Одессу наступали красные. Белую Одессу охватила паника близкой гибели. Дружинники Котовского вышли уже в эти дни из подполья. Они били с тылу, обстреливали с крыш, отбивали обозы, внося еще бо́льшую панику в отступающую армию.

Накануне занятия Одессы переодетый полковником Котовский вывез на трех грузовиках из подвала государственного банка различные драгоценности. А на следующее утро — 5-го апреля 1919 года — в Одессу вступили красные войска.

Одесса пережила страшный неслыханный террор. В этом терроре участвовало все, вышедшее наружу, большевистское подполье. Но не участвовал Котовский. Расстрелы пленных, всякое трусливое зверство, Котовскому были чужды.

В Одессе зверствовал глава большевистской чеки садист Вихман, впоследствие расстрелянный самими же большевиками. Как раз в эти дни Котовского разыскал писатель Федоров. Понадобилась ему не жизнь Котовского, а более дорогая жизнь его собственного сына, офицера, попавшего в чеку. Там один суд — пуля в затылок. Но Котовский бросился вырывать сына Федорова из вихмановских рук.

Это было рискованно даже для Котовского: хлопо-

тать об активном члене контр-революционной организации. Но Котовский не просил у Вихмана, а потребовал.

— Я достаточно сделал для большевистского правительства и требую подарить мне жизнь этого молодого офицера, отец которого в свое время сделал мне не менее ценный подарок.

Вихман с чекистами уперлись. Мастера кровавого цеха возражали.

— Если «подарить» вам этого белогвардейца, то придется освобождать всех, арестованных по одному с ним делу, так как вина этого офицера — наибольшая.

— Подарите их всех мне!

Чека не выдавала. Но какой-то такой ультиматум поставил Котовский, что Вихману пришлось «подарить» Котовскому и сына Федорова и его товарищей.

Широко, по-человечески отплатил Котовский писателю Федорову. Но история гражданской войны, в которой крупную роль играл Котовский, знает не один человеческий жест этого красного маршала.

4. КАВАЛЕРИСТ.

С занятием красными Одессы карьера Котовского-кавалериста развернулась.

При поддержке австрийских украинцев-галичан грозной опасностью для красных на Украине встал головной атаман Симон Петлюра. В лазурно-голубых мун-

дирах он привел на Украину гайдамаков. Вместе с Петлюрой пошли меньшие атаманы — Тютюник, Черный, Ангел, Ткаченко, Струк, Бень.

В Ямпольский уезд Подольской губернии на один из участков против Петлюры красное командование бросило 45-ю дивизию под начальством Якира, в которой Котовский командовал 2-й бригадой.

Для разбойного, кровавого «смутного времени» российской революции, когда страна стояла в сплошном грабеже, рука Котовского была самая подходящая. За ним — хорошая школа тюрем, каторги, больших дорог.

В отрядах своей бригады мародеров и дезертиров Котовский расстреливал собственноручно. Ввел железную разбойничью дисциплину, содержал банды-войска в таком благочестии, что даже диву давались жители местечек, привыкшие к погромам. В этих местечках дисциплину отрядов Котовского особенно ценили евреи, ибо только один Котовский не грабил их, за что и носил от украинских атаманов кличку «жидивьского бога».

— Товарищ Котовский не приказал, — и этого достаточно, чтобы в случае ослушанья быть расстрелянным на месте самим комбригом.

В лесах под Крыжополем начались первые бои Котовского с австрийско-украинскими гайдамаками. Жестокие бои. Четыре месяца изо дня в день отбивалась красная 45-я дивизия от превосходящих численностью украинских войск. Силы дивизии таяли. Особенно горевал прирожденный наездник Котовский о гибели коней. Но у Котовского первым подручным, командиром бессарабского кавалерийского полка, был тоже тип не без красочности. Мишка Няга, 19-летний неграмот-

ный свинопас из одного бессарабского именья. О Няге Котовский отзывался восторженно:

— Мммишка, пприрожденный ббоец и коммандирр!

В обожженном солнцем свинопасе, с носом луковицей, жила отвага равная отваге Котовского. Нет коней, чтоб атакой разнести петлюровских гайдамаков. Но Мишка Няга решил обрадовать любимого начальника. Глубокой ночью с десятью «не одним дымом мытыми» котовцами Няга вплавь перебрался через Днестр. Знал, в 15 километрах от скалистой реки стоят два больших конских завода, на одном из которых Мишка три года служил пастухом.

С убийством, с поджогом напали на завод котовцы, но увели 60 коней и, связав за недоуздки, погнали назад к Днестру.

— Вот, обрадуется Григорий Иваныч, — только вскрикивал Мишка, когда плыли на конях ночью через Днестр. И карьером понеслись к местечку Песчанка, где стояли тогда отряды Котовского.

На рассвете, когда Котовский делал еще гимнастику и обливался водой, командиру доложили о мишкином сюрпризе. Котовский, не доделав приседаний, выскочил на крыльцо, куда Мишка уже подвел, выстроив, 60 кровных, задохнувшихся в скачке, коней.

— Мммишка, стерва! — и Котовский остолбенел. Женщины и кони были слабостью Котовского. Стал обходить кобыл, жеребцов, растрогался до слез и поочередно обнимая, расцеловал всех своих десятерых котовцев.

— Да, вот это интеллигентные лошадки! Золотой мальчик Ммишка! — весь день растроганно повторял Котовский. И по случаю военного приза перед церко-

вью на площади устроил своей банде парад. Не зная, как почтить геройство Няги, он приказал склонить боевое знамя полка, оркестр же из десяти трубачей гремел интернационалом. Правда, такие почести обычно отдавались в отрядах мертвым. Но ничего более помпезного выдумать было нельзя. И этим почтил Котовский своего комполка Мишку Нягу. А через неделю уж скакали кровные скакуны под шпаной Котовского в атаку на гайдамаков.

Ранней зимой в городке Рославле расположились на отдых, вырвавшиеся из кольца украинских войск, котовцы. От прежнего налетчика, героя Конан-Дойлля не осталось и следа. 32-летний Котовский нашел наконец свое призвание. Он должен быть вовсе не страхом больших бессарабских дорог, а — кавалерийским генералом.

Во всяком случае в Рославле Котовский уже чувствовал себя генералом. Ввел правильную казарменную жизнь, дисциплину, обязательную гимнастику, расправлялся с бандой сурово. Если проведет ладонью по крупу коня и останется пылинка, изобьет так, как не бил и царский ротмистр. Любил дисциплину этот бывший анархист и разбойник.

Но недолго простояли в Рославле отряды Котовского. На Петроград шел генерал Юденич. Под северной столицей уже гремели пушки. И Котовского бросили под Петроград спасать Ленину революционную столицу

Там, в городе Петра, по голодным, вымершим улицам, изрытым окопами, вырытыми подневольно-выгнанными «буржуями», интеллигентами, профессорами, чиновниками, шли курсантские и чекистские войска. С

Урала приехали дикие, странные у памятника Петра Великого, башкиры. Кто в чем, без седел, едут и поют заунывные непонятные песни.

И с юга экстренными эшалонами с крадеными скакунами прибыла бригада Котовского. В Петрограде Мишка Няга раскрыл рот: — никто из котовцев-партизан не видал во всю жизнь ничего кроме молдаванских деревень, а тут они, граждане РСФСР, узнали наконец, что в России есть Петроград.

С удивлением глядели царские дворцы, полуразрушенные, покинутые особняки, изуродованные памятники, фонтаны и парки Петербурга на въехавших конников Котовского.

— Хороша столица то, Григорий Иваныч, только — голодно, — склабился Мишка Няга. И верно — в столице, кроме мертвых памятников, да заброшенных дворцов, — ничего: ни картошки, ни хлеба. Это не Украина, где отожрались котовцы, тут сражаться надо в голоде, голодают и лошади и люди.

В Царском селе, где остановились отряды, Котовский приказал реквизировать соломенные матрацы. Партизаны ножами пороли их и голодные кони тоскливо жевали труху. Зато во дворцах и особняках бежавших аристократов, партизаны нашли удовольствие. Котовский сам был любителем старинного оружия и разрешил его брать. Штаб Котовского — бывший цирковой жонглер Гарри, Мишка Няга, Ваня Журавлев, — щеголяют уже со старинными палашами и саблями.

Но все ж, хоть и голодными войсками, а красные отбили генерала Юденича. Юденич дрогнул под натиском ожесточенно погнанных на него полков. И снова

бригада Котовского, вдоволь походившая по дворцам, увидев, что есть в России города, грузилась в эшалоны, отправляясь на родной юг. Только отличившийся в боях Котовский лежал в голодной столице в тифу. Но к нему приставлены несколько врачей: — «выходить во что бы то ни стало вождя красной конницы!»

Еще в госпитале поправлявшийся Котовский получил приказ о своем назначении командиром кавалерийской бригады, долженствовавшей быть сформированной на юге из разрозненных частей 45-й дивизии. Бригада предназначалась для удара на отступавшие на юг войска Деникина. И это должна была уже быть настоящая бригада, а не полубанда, с которой он ходил по Бессарабии и Украине.

Говорят, Котовский становился всё нетерпеливее, торпясь на юг. Он уже настоящий «красный маршал», уже награжден орденом «Красного знамени». Он — генерал с большим вкусом к веселой конной службе и лихим ударам кавалерийских лав. О нем уже пошла широкая слава, как о самом боевом командире красной кавалерии.

На дорогу «красному Мюрату» петроградские власти подарили медвежью доху, вероятно, за границу бежавшего эмигранта. В этой шикарной дохе, провожаемый, как герой, защитник красного Петрограда Котовский тронулся в особом вагоне на юг, в Екатеринослав формировать кавбригаду.

В том 1920-м году путешествия по железным дорогам России были сложны. Люди ехали только по правительственным командировкам, вся громадная страна жила на военном положении. В вагон Котовского попросилась женщина-врач. С свойственной ему галант-

ностью Котовский не отказал даме. По дороге познакомился, а по приезде в Екатеринослав — на ней женился.

С объятьями и дружескими шутками принимал каждого бойца, каждую новую часть Котовский в Екатеринославе. С штабами, как лавочник, торговался из-за седел, пулеметов. Комната, в которой с женой жил Котовский, завалилась шашками, переметными сумами, седлами, ремнями. По вечерам, при свете лампы, вместе с женой и адъютантами толковал с шорниками, показывая, как кроить кожу, приказывал экономить. Котовский был хорошим хозяином и мастером на все руки.

Наконец 12 января комбриг Котовский в малиновых чикчирах, в серой венгерке с бранденбурами, с орденом «Красного знамени» над сердцем, любивший все помпезное, начал готовиться к параду бригады в селе Лозоватовке под Екатеринославом, после чего бригада должна двинуться на фронт.

На парад Котовский вызвал высших красных командиров Украины, произносились речи, оркестры беспрерывно гремели маршами. Все прошло блестяще и прямо с парада по снежной дороге бригада двинулась походным порядком на фронт против генерала Деникина.

Впереди бригады в сопровождении адъютантов ехал Котовский на знаменитом жеребце «Орлике». Сзади громыхали пулеметные тачанки, развивались красные платки штандартов, тяжело бежали, отдохнувшие артиллерийские кони, на полкилометра растилался пестрый лес пик.

Мерзлый снег широкой, белой, укатанной дороги

звенел под копытами коней. По команде комполка Мишки Няги уже выехали вперед песенники и грянули частушки:

«Вот веселые, живые
Вам частушки фронтовые!
Ой, дуди моя дуда,
Выходи народ сюда!»

Этим куплетам улыбался комбриг Котовский: «ведь это же почти сказка» — приговоренный к висилице разбойник едет красным генералом вместе с свинопасом Нягой и скоро разобьет в пух и прах образованных генералов-академиков. А потом во главе этих же разбойничьих полчищ, орущих частушки, грянет и на Европу.

Как раскаченный тяжелый таран впивалась кавбригада Котовского в толщу уже катившихся от Орла белых войск. На десятки километров заходил в тыл, сеял панику, отбивал обозы. Темперамент Котовского, дорвавшегося до большого дела, развернулся во всю ширь. В лихости равнялись с комбригом и командиры полков — белогородский улан-вахмистр Криворучко, Мишка Няга и приднестровский партизан Ваня Макаренко.

К «Одессе-маме» напирала конница Котовского. Уж прошли тяжелые бои под Вознесенском. После боя под Березовкой разбойная бригада спала и видела Одессу. Изо всех сил пёр на Одессу Котовский. Заняв село Потоцкое, окруженный своими командирами, явился на телеграф, потребовал телеграфные ленты, надеясь установить переговоры белых штабов.

Но пока телеграфисты разбирали катушки, раздал-

ся треск телеграфного ключа. Котовский приказал принимать разговор. Вызывала белая Одесса белую станцию Раздельную.

— Включай Одессу! Поведу разговор! — кричал Котовский и стал принимать сведения с Раздельной из штаба белых. Штаб передавал сведения о кавбригаде Котовского. С Раздельной предупреждали, чтоб гарнизон Одессы был поставлен на ноги, ибо не позже трех дней надо ждать Котовского под Одессой.

Разговор кончился, последний вопрос: — Кто принял?

— Котовский, — отвечает Котовский.

— Что за шутки в такое время, — выбивает в ответ телеграф.

— Уверяю, что принял Котовский.

На телеграфе стоял запорожский хохот Криворучко и Мишки Няги. Любитель остроумия и шуток, Котовский сел на своего конька.

По телеграфу началась агитация.

— Вы русский человек, дворянин, опомнитесь, что вы делаете, вы предаете русский народ большевикам, поверните лучше свою конницу на Москву.

В тот же день кавбригада выступила из Потоцкого, надвигаясь на Одессу. Одесса уже задыхалась. Почти не оказывая сопротивления, белые бросали город, отступая к Днестру, к Румынии. Вокруг Одессы загорелись последние бои. Красные окружили Одессу тесным кольцом, а Котовский карьером пошел к Днестру, чтобы зайти в глубокий тыл белых и перерезать последний путь отступления.

В районе немецкой колонии Кандель, близ Тирас-

поля, Котовский зажал выброшенных на Днестр белых. До 10.000 солдат, офицеров, юнкеров, штатских скопились в холодную ночь на снежном берегу Днестра. Это — смерть. Итти некуда. Румыны в ставшую румынской Бессарабию не пускают, обстреливают, а на русской земле — Котовский. Многие кончали на льду Днестра самоубийством.

Полуоборванная банда «кавбригада Котовского» уж давно дорывалась до офицерских сапогов и штанов, во сне видели — «галифе с красным кантиком». Но Котовский к зажатым на льду белым послал Криворучко с несколькими всадниками, заявить от имени Котовского, что могут сдаваться без страха:

— Чтобы ни одного не трогать, понимаешь? — басом гремел Котовский. — Расстреляю всякого, кто пленного тронет.

И бойцы кавбригады знали, что слово Котовского твердо.

Сбившись в кучу на снегу, стояли полузамерзшие белые, когда к ним подъехали парламентеры Котовского.

— Де тут полковник Стесселев? — закричал с седла партизан, и найдя его, продолжал, — Вы вот что, товарищ полковник, товарищ Котовский приказал сказать, что вы в таком положении, што мы с вами драться не желаем. А если которые гаспада офицера опасаются, что им што будет, то пусть не опасаются. Потому товарищ Котовский не приказал... И вещей отбирать тоже не будем... и ежели при гаспадах которые дамочки имеются, тоже пущай не опасаются, ничего им от нас не будет... товарищ Котовский прика-

зал, чтобы все шли до нас и что б без всякого, — не опасались...

Такой эпизод в русской гражданской войне встречался редко. Пленных чаще ставили под пулемет.

Белые поверили Котовскому. Пошли сдаваться. Котовский принял белых именно так, как, вероятно, когда-то читал в каком-нибудь романе. Комбриг приказал выстроить всех пленных и всю красную кавбригаду и вымахнул на знаменитом «Орлике», подбоченясь.

Перед белыми произнес сумбурную заикающуюся речь. Эта речь была не коммунистической. Речь — «необъятной широты» русского человека.

В реввоенсовете подпольщики-коммунисты мурзились с неудовольствием насчет «дворянско-русских жестов Котовского». Но делать нечего, может-быть не была бы так взята Одесса, если б на нее не налетел Котовский. И реввоенсовет «товарища Котовского за доблестные подвиги, проявленные в боях в районе Одесса — Овиднополь, постановил наградить орденом «Красного знамени».

Так, становясь одним из виднейших маршалов, Григорий Котовский украсил грудь вторым орденом.

5. АТАКА НА ПОЛЬШУ.

Но полная слава красного маршала пришла к Котовскому летом 1920 года, когда в ответ на наступление Пилсудского на Россию, красные войска под командой Тухачевского пошли на Варшаву.

Правда, не целиком доверявшее «дворянину-анар-

хисту» Котовскому, главное командование не выдвинуло его на решающую роль вождя красной конницы. Напротив, в противовес ему партийные верхи выдвинули другую фигуру советского Мюрата — Семена Буденного, командира I конной.

Котовского труднее взять в клещи политического аппарата. Но все же и на роли второго вождя красной конницы Котовский приобрел громадную популярность в солдатских массах.

Еще до того, как пришла с Кавказа походным порядком конармия Буденного, Котовский с своей кавбригадой пошел на поляков. Вокруг Котовского та же бандитская запорожская сечь, «братва», с Нягой, Криворучкой, комиссаром Даниловым, жонглером Гарри, Но это «красиво-революционное» окруженье густо замешано в кавбригаде бывшими полковниками, ротмистрами, поручиками. По пестроте, по отчаянности, по «аромату этого пестрого букета», вряд ли даже наполеоновская кавалерия Мюрата могла бы соперничать с советской кавбригадой, оглавленной разбойной фигурой Григория Котовского.

Котовский любил кавбригаду, как огородник любит свой огород, как охотник любит своих борзых и гончих. Самолично подбирал командиров, сам среди пленных разыскивал отменных рубак. Не спрашивал «како веруеши», в кавбригаде вместе с прошедшими всю войну красными партизанами смешались белые казаки-деникинцы, шкуринцы, военнопленные мадьяры, немцы, неведомые беглые поляки и чехи.

Подбор вышел хорош. Недаром котовцы даже не называли себя красноармейцами. Это оскорбление.

— Не красноармейцы мы, а котовцы.

— Какие мы коммунисты, коммунисты сволочь, мы — большевики.

И были здесь чистокровные «национал-большевики», те что плавали 300 лет назад на челнах Степана Разина. Эта конница вышла победительницей из гражданской войны, но теперь посаженному нежным огородником Котовским «саду-огороду» надо было выдержать иное боевое испытание: — противником стала регулярная польская кавалерия генерала Краевского.

Уланы, шволежеры, с иголочки обмундированные, накормленные досыта, снабженные оставшимися от мировой войны французскими запасами, столкнулись под Жмеринкой с полуоборванной, полуголодной конницей Котовского.

Бой неравный. Но так называемое «моральное состояние войск» тоже на войне определяет многое. Уж на отдыхе в Ананьеве тосковали рубаки-котовцы.

— Войны бы нам настоящей. Свербит. Невмоготу. Ведь мы с войной женатые. А то скушно и пообносились.

И наступили сроки, встрепенулись котовцы, пойдя против Европы. «Дух войск» — великое дело. Не только польские, но и французские опытнейшие генералы в полной мере оценили красную конницу Котовского и Буденного. «Со времени Наполеона не было подобных конных операций», свидетельствуют они.

Первый самый тяжелый бой конницы Котовского был в районе Таращи у Белой Церкви. Поляки устроили густые проволочные заграждения; на участке Котовского, скопилась сильная польская артиллерия. Пе-

редают, что под ураганным огнем, во главе бойцов бросился в атаку Котовский и будто бы, спешившись вместе с бойцами, сломали столбы, прорезали проволоку и в прорыв ринулись всадники за Котовским, падая и давя друг друга, под ураганным огнем.

Рубились с пехотой польских легионеров. Врезавшись в самую гущу, Котовский зарубил польского полковника. В этом бою потери котовцев были чрезмерны. Почти половина бойцов выбыла из строя. Любимец Котовского, приднестровский партизан Макаренко был убит, а комиссару полка Журавлеву снарядом оторвало руку.

Но после боя под Белой Церковью кавбригаде полегчало. Тухачевский сломал своим тараном польский фронт, поляки рухнули и по всему фронту побежали.

Находу, наспех пополняя свою кавбригаду Котовский бросился вместе с Буденным на Львов. Своим ударом-наступлением красная конница сшибла и повалила поляков. Неслись по 40 километров в день. Это было всесметающее наступление и котовцам уже мерещилось вот-вот перемахнут через порог Европы.

Котовцы шли мимо Пузырьков, Медведовки, Изъяславля, Катербурга, Кременца, неслись победными атаками. Под Белополем ночью при свете луны бросилась на них встречной атакой польская конница. Но отбил атаку Котовский с большими для поляков потерями.

Картина боев одна и та же. Когда после упорной борьбы уж изнемогала советская пехота, на смену появлялся Котовский с Криворучкой, Нягой, Кривенко, Удутом, с царскими полковниками и ротмистрами и

конница, сверкая шашками, с гиком, свистом, улюлюканьем кидалась в атаку.

Иногда командование фронта — Егоров и Сталин — бросало кавбригаду в прорывы, в польский тыл и кавбригада наносила пораженья, мотаясь днями в промежутке за польским тылом.

Постаревший, бледный от переутомленья, с опухшими глазами, охрипший носился Котовский во главе бригады на знаменитом любимце бойцов «Орлике», по которому вся кавбригада гадала о боях и пораженьях: — захромал «Орлик» или невеселый — быть беде, разобьют; ладен, веселый — наша возьмет.

Котовский беспощаден. Хоть и имел в распоряжении подлинных военно-образованных офицеров, но командовал бригадой сам. Он не был военным, но был истым партизаном и воле его не перечь. Иногда бросал бойцов даже в ненужную, но «эффектную» атаку.

В бою под Пузырьками во время атаки, метавшийся словно страшный чорт, забрызганный грязью, весь в пыли Котовский приказал Криворучко, спешно бросить эскадрон под командой Кривенко прямо в лоб польским пулеметам.

Жестокий приказ. Но такова уж эта полуразбойная, полуреволюционнная армия, народ севший на коня, таковы ее нравы. Кривенко, удалой комэск, в другой раз может сам бы пошел в лоб на пулеметы, на белополяков. Но он наменял под весь эскадрон гнедых, как один, коней. Себя редко жалел, но подбор масть в масть гнедых коней стало жалко травить на польские пулеметы. И не пошел в лоб, а начал забирать сторонкой так, что густой пулеметный огонь хлестал мимо.

Котовский с коня это заметил.

— Эй! — кричит трещащим басом Криворучке, — куда заходит твой Кривенко! Жарь в лоб!

— Ванька, в лоб! — надрываясь, кричит Криворучко.

Но комэск не то дрейфит, не то жалеет коней, гнет свою линию.

— Эх, Ванька, дурной хохол, попусту матка тебя носила! — и Криворучко пустил карьером коня к эскадронному.

Подскакав, осадил, ругается, кричит Криворучко, бросил шапку о земь. И вдруг со всех сил опустил саблю полкового командира на голову Кривенко. Кривенко упал с седла. Эскадрон в замешательстве. Конники пососкакивали с лошадей, матерятся, крики, проклятие «мать перемать»! Но тут уж скачет сам Котовский. И Криворучко, взяв в командованье эскадрон, под дикое ура и улюлюканье бросается в пулеметный дождь прямо в лицо врага.

Правда, шашечного удара Котовский не одобрил, еле выжил Кривенко, треснул череп.

— Можно, конечно, расстрелять, но не в таком случае, — говорил Котовский.

Да и Криворучко чувствовал, что зря хватанул, все спрашивал Котовского:

— Григорий Иваныч, а що воне таке за трыщина... що таке?

Но когда выздоровевший, мрачный Кривенко пришел к Котовскому просить перевода в другой полк, Котовский встретил его сурово:

— Я хотел взгреть Криворучко за то, что он тебя предателя революции не расстрелял!

На помощь пришел сам Криворучко с хохлацкой хитростью. Послал Котовскому отбитое офицерское польское седло — первый сорт. И заговорил:

— А що, Григорий Иваныч, не назначить мне Ваньку обратно эскадронным? а?

— Как хотите, ведь «физическое внушение» ему сделали вы, я тут не при чем, — пробасил Котовский.

— Так я ему дам эскадрон, у меня така думка, що дурость Ванькина уся через тую трыщину выйшла...

И Кривенко снова взял в командование эскадрон. В крепкой узде держал Котовский свою «шпанку». Закоренелых, нешедших ни на какой страх мародеров-бойцов расстреливал. Правда, говорят, эти расстрелы с трудом переносил комбриг. Садился после них в хате за стол, сжимал руками голову, скреб свою блестящую лысину, бормоча, ругаясь по-молдавански:

— Футуц кручь, я мейти футуц паска мейти.

Для своей бригады Котовский был не только боевым командиром, но и трибуналом, и государством, и вождем. На Котовском кончалось все, и жизнь и смерть в красной коннице. Стонали местечки, городки от прихода советской кавалерии. Эти шедшие на Европу войска были большие охотники до «камушков и часиков». Но котовцы не буденовцы.

— Буденовцы что, виндидуалисты! — хохотал комполка Криворучко. — Кто нашел, тот и тащи! А у нас — круговая порука, пользуйся, но общей кассы не забывай!

Котовский знал нравы своей банды и разрешал «грабануть» — богатых, но за грабежи мещан, крестьян, местечковых евреев беспощадно расстреливал,

внедряя, так сказать, в разбой «классовую линию». И дань грабежа складывалась в общую кассу кавбригады.

Входя в хату на отдых после боев, первое что приказывал Котовский ординарцам — любимую:

— Яичницу в 25 яиц!

Но перед боем не ел целый день и бойцам приказывал не есть.

— Дддураччье! — кричал характерным чуть заикающимся басом, — разззве жж можжно жжрать перед ббоем? Поппадет ппуля в жживот и ббаста!

Здоровье, силу и спорт любил Котовский. Гимнастику проводил даже на войне. Ругаясь, заставлял заниматься гимнастикой всех командиров. О себе говорил:

— Я энтузиаст физического воспитания, тут уж ничего не поделаешь. Здоровое нагое тело — да ведь это ж красота!

В местечке Хабное, где после боев стала кавбригада, на второй же день собрал всех командиров в местной синагоге — единственном просторном помещении. Произнес вводную речь о необходимости гимнастики, приказал всем раздеться, разделся и сам и, стоя пред выстроившимися в две шеренги командирами, начал:

— Первый прием, ррраз! Начинай, дыши...

Дело было зимнее. А комбриг открыл окна. Командиры поругивались про себя, синели от холода, но проделывали все мудреные приемы вместе с энтузиастом физического воспитания. После гимнастики Котовский приказал обтираться водой. В бочке нашли воду, приготовленную для еврейского религиозного ритуала.

— Обтирайся! Бог не обидится! — ревел Котов-

ский. И под общий хохот зачерпывали командиры, обтирались. Только тут заметил Котовский, что одного комэска не достает и прямо из синагоги пошел в его квартиру.

— Отколет сейчас над Митькой «котовку», — хохотали, шли за ним командиры. Знали, что уж что-нибудь да выдумает комбриг, идущий к неявившемуся комэску.

— Как бы грехом не «шлепнул»?

Котовский, хоть и улыбаясь, а возмущался: — «Плевал, говорит, я на Мюллера? Дурак, да это же жизнь, как же на нее плевать?»

У избы остановился. Выскочил ординарец.

— Спит? — крикнул Котовский.

— Спит, товарищ комбриг.

— Принеси-ка два ведра воды, да похолоднее!

С двумя ведрами в руках, пригибаясь в сенях, Котовский вошел в покосившуюся еврейскую хату, где на постели, разметавшись, храпел еще полунагой комэск.

Срозмаху вымахнул Котовский на спящего ведра, приговаривая:

— Обливаться перед девятым номером нужно, товарищ комэск! Вот как!

А на утро трубы уж играли генерал-марш. И странная конница из полубандитов, солдат-командиров, старых офицеров, уголовников, подымалась, седлала коней и трогала по пыльным улицам, выступая в бой за Львов.

По 50 километров неслась в сутки красная конница. Еще один переход и возьмут столицу Галиции. Но под Львовым получился категорический приказ свер-

тывать на север, спасать общее положение, уже обессилевшей под Варшавой, красной армии.

Как ни торопилась конница — не успела. Французский генерал Вейган положил предел русскому красному размаху и, вместо наступления, красная армия пошла грандиозным паническим откатом.

Для конницы Котовского начались жестокие арьергардные бои. Прикрывая панически побежавшую красную пехоту, от наседающих теперь польских уланов, Котовский забыл и гимнастику и обливанья водой. Какая гимнастика, когда по три дня маковой росинки во рту не бывало у бойцов. В этих боях обессилели котовцы. А главное упало моральное состояние войск: — не пустила Европа Котовского делать революцию.

Лучший польский конный корпус генерала Краевского получил приказание: — истребить разбойную кавбригаду. Польская кавалерия торопилась зажать в клещи беспорядочно-несущихся на восток котовцев. И вот близ Кременца полным кольцом поляки окружили Котовского на лесистом холме — Божья Гора.

Это полная гибель. Командование югозападного фронта похоронило отрезанную кавбригаду. С трудом втащили на гору котовцы последние пушки, тачанки с пулеметами, лазаретные линейки. Котовский, усталый и измотанный, как все бойцы, приказал биться до последнего, не сдаваться полякам.

Трое суток отбивались зажатые в кольцо котовцы, несли страшные потери. Ночью на вершине холма, собрав жалкие остатки когда-то грозной бригады, Котовский обратился к бойцам с речью:

— Братва! — кричал он. — Простите меня, может быть тут моя ошибка, что завел я вас в этот капкан!

Но теперь все равно ничего не поделаешь! Помощи ждать неоткуда! Давайте, иль умрем, как настоящие солдаты революции или прорвемся на родину!

По горам трупов собственных товарищей с холма бросился на поляков Котовский. Произошла рукопашная свалка. Покрытые кровью, пылью, размахивая обнаженными саблями, бежали вприпрыжку рядом с тачанками обезлошадившие конники. Вблизи скакавшего Котовского разорвался снаряд, выбил комбрига из седла. Котовский упал без сознания. И еле-еле вынесли своего, тяжело контуженного, комбрига котовцы.

Прорвалась горсть конницы с без сознанья лежавшим Котовским. Котовского везли в фаэтоне. Он метался, бредил, кричал. Врачи считали, что рассудок не вернется к безрассудному комбригу. Но здоровье Котовского выдержало даже эту польскую контузию под Божьей Горой. Через месяц Котовский выписался из госпиталя, вступив в командованье бригадой, но войны с поляками уже не было.

6. КОТОВСКИЙ И МАТЮХИН

В Риге шли мирные переговоры советских и польских дипломатов. Красный и польский фронты остановились на новых границах. Зато по Украине загуляли, поддерживаемые поляками, отряды перебежавших в Польшу бывших красных командиров Булак-Булаховича и есаула Яковлева, остатки петлюровской армии генерала Омельяновича-Павленко и отряды полковника Перемыкина.

Против них красное командование бросило пополненную, отдохнувшую кавбригаду Котовского. Под Волочиском Котовский сошелся с Омельяновичем-Павленко. В атаках резались круглые сутки. Но Котовский взял верх над петлюровцами и сбросил их на лед реки Збруч.

Тяжелее были сражения с атаманом Тютюником, но и тут успех был на стороне Котовского.

А вскоре специалисту по борьбе с повстанцами Котовскому пришлось грузиться в вагоны, ехать с Украины в Тамбовскую губернию на усмиренье крестьянского восстанья Антонова. На долю Котовского здесь пришлась борьба с сильной, скрывавшейся в лесах мужицкой организацией, во главе которой стоял отчаянный человек кузнец Иван Матюхин.

После долгих и бесплодных гоняний по Тамбовским полям за Матюхиным, Котовский взял наконец Матюхина хитростью. Тамбовские чекисты поймали повстанческого командира Эктова, ходившего под кличкой Эго. Вместо расстрела Котовский упросил чекистов отдать Эго ему.

И чека перед Эго поставила вопрос: либо стенка, либо к Котовскому ловить Матюхина. Эго предпочел последнее.

Любитель фантазий Пинкертона, Котовский выдумал довольно тонкий план поимки Матюхина и уничтоженья его отряда. К Эго он приставил восемь неотлучных бойцов-котовцев, приказав: — При первой подозрительности пулю в лоб!

И во главе сорока отборных всадников, Котовский и Эго, окруженный восмью котовцами, поехали на

хутор к мужику-старику, сын которого, по словам Эго, ходил в отряде Матюхина и знал Эго в лицо.

На хуторе, подъехавшие всадники вызвали старика и Эктов начал действовать по плану Котовского. Указывая на Котовского, сказал, что это повстанческий атаман Фролов, хочет драться против «камунии» вместе с Матюхиным, пусть старик даст кого-нибудь кто бы отвез Матюхину от Фролова письмо.

Старик вызвал сына-пастуха и пастух поскакал к Матюхину в лес с письмом, а через час привез ответ, что Матюхин благодарит Эктова и атамана Фролова и предлагает встретиться и соединиться через неделю в селе Кобыленка.

Котовский телеграфировал в Тамбов просьбу очистить весь прилегающий к Кобыленке район от красных войск, чтоб не спугнуть мятежного кузнеца.

Фантаст, авантюрист, каторжник, любитель сильных ощущений, в красных штанах, в желтой куртке, почти опереточный Котовский, возвратясь к отряду, приказал всем переодеться в черные круглые смушковые шапки-кубанки, нашить из тряпок широкие лампасы на подобие казачьих, чтобы походить на повстанцев. И весь отряд в 200 человек самых разнообразных бандитов, переоделся, готовясь к кровавому представленью.

В назначенный день, как было условлено, встав с отрядом в селе Кобыленка, Котовский выслал к осторожному кузнецу только одного котовца: узнать, приедет ли Матюхин к атаману Фролову?

Рассказывают, с необычайным волненьем ждал Котовский возвращенья посланца. Ни с кем не говорил.

По избе ходил бешеным шагом ожиданья. И когда доложили комбригу, что Ванька приехал, выскочил на крыльцо и сам за руку втащил Ваньку в избу.

— Ннну, ннну? Ччто? Кккак? зазаикался в волненьи.

— Привел. Тут в полуверсте ожидает. Езжай, говорит, к Фролову и доложи, мол, что жду его с Эктовым сюда.

В избе воцарилось молчание: — поедет Котовский вдвоем с Эктовым, рискнет или нет? Котовский отошел к окну, стал смотреть в окно, барабаня по стеклу пальцами. А когда отвернулся от окна — словно похудел.

— Ну, что ж, товарищ Эго, поедем? — сказал, не глядя на Эго.

Эго поднялся с лавки, черт знает о чем думал.

— Поедем, — сказал.

Но тут порог пересек Криворучко. Не пуская Котовского, закричал:

— Не пущу тебя! Зарубят они тебя одного! Ерунду ты выдумал...

Но игра была уже начата и ее надо было кончать.

— Молчать! — рявкнул Котовский. — До моего возвращения комполка Криворучке принять в командование отряд, а убьют меня — пробиваться!

Из села Кобыленка верхами выехали трое: Котовский, Эго и посланец Ванька. Но как только увидели на опушке леса всадников Матюхина, Котовский, касаясь коленом колена Эго, наклонился с седла, пробормотал:

— Отойдешь ли в сторону, мигнешь ли, слово ли

скажешь — первая пуля — тебе! Живым не дамся.

Неизвестно о чем думал, тоже видавший виды, бывший штабс-капитан из солдат Эктов.

— Напрасно вы это говорите, товарищ Котовский. Я в Тамбове уж знал на что иду, — пробормотал.

— Ну, ладно, увидим, — и Котовский, пришпорив «Орлика», подскакал к Матюхину.

Странные и сильные ощущения переживались у опушки леса тремя людьми: Эго, Котовским и Матюхиным. Но, вероятно, самые сильные ощущения переживал все-таки Эго: он мог в любую минуту предать Котовского Матюхину, но мог предать и Матюхина Котовскому. У него был свободный выбор. Эго выбрал второе.

После облобызаний и приветствий атамана Фролова с Матюхиным, матюхинцы во главе с атаманом-кузнецом верхами шумно поехали к селу. Уже в сумерках въехал в село силач-кузнец Иван Матюхин на тонкокровном аргамаке, не человек, а глыба железных мускулов, горячие глаза, руки как башни, а золотистый, нежный, бывший графский конь отбит в совхозе «Красный луч». Конь шел шагом, рядом с «Орликом» Котовского.

В двуструбную просторную избу сошлись до 20 повстанческих командиров, в ловких поддевках, высоких сапогах, до зубов увешанные оружием. И столько же было котовцев с Гарри, Криворучко, комиссаром Даниловым, Эктовым.

Встреча атамана Фролова с кузнецом Матюхиным открылась пиром. Пир пошел в избе горой. Враги матерятся, льют, пьют самогон, бабы несут жирные щи, баранину, жареных кур, загромоздили стол. Поют по-

встанцы, грозят перебить всех «горбоносых комиссаров» на свете, дойти до Москвы и самому Троцкому кишки выпустить.

Керосиновая лампа горит на столе, освещает полутусклым светом избу. Лица ожили в бродящих густых тенях, в напряженности, в жарком говоре, в проклятиях, в клятвах.

— Бей камунию! Я всю камунию в Расеи переведу! — кричит Матюхин, грохает кулаком по столу, как берковцем.

Котовский отдал приказ, что он первым убьет Матюхина, а за его выстрелом, все бросятся на оставшийся на селе матюхинский отряд. Искоса кузнецким глазом смотрит на атамана Фролова Матюхин. Недоверчив кузнец, а поверил. Эго как ни в чем, наливает, пьет самогон. Эго свой человек. Выступают один за другим с речами, еле держась от крепкого самогона на ногах, то матюхинцы, то котовцы. Только вдруг встает Котовский.

— Довольно! — кричит, — не Фролов я, а Котовский! — И в упор разрядил маузер в Матюхина. Раненый в живот Матюхин осел на скамью. Повстанцы бросились на котовцев. Кто-то разбил лампу и в кромешной темноте началась страшная схватка. Загремела беспорядочная стрельба, полопались стекла окон. По стрельбе бросились на селе котовцы на отряд Матюхина, началась рубка полусонных повстанцев.

Тремя пулями был убит кузнец Матюхин, перебиты заливше кровью пол, пьяные матюхинцы. Двумя пулями ранен в грудь и в правую руку Котовский, в ногу ранен Криворучко и смертельно в живот комиссар Данилов.

Но странная своеобразная душа у комбрига Котовского. Когда его на носилках вынесли из избы, чтоб везти на станцию, на поезд в Москву, он приказал позвать Эго.

С носилок Котовский мерил Эго глубоким взглядом тяжелых, острых глаз.

— Ничего ты не знал в Тамбове на что ты идешь, — проговорил, усмехаясь. — Пристукнуть теперь тебя я должен.

Эго, хоть и не понимал — за что? — побелел, как трупы перебитых матюхинцев.

— Да жаль вот, рука ранена, не поднимается, — продолжал не спуская злых глаз Котовский. — Не пойму я тебя дурака: дурак ли ты уж такой или такой уж честный Иуда. Ведь ты же меня куропаткой связанной Матюхину выдать мог? Героем бы у своих стал! А вот поди-ж ты — не выдал!

И, обернувшись к чекисту-политкому, проговорил нарочно громко:

— Дать ему пропуск на все четыре ветра! не хочу больше ваших чекистских фортелей!

И опять к Эго:

— Квиты. Езжай. Теперь в Москве бааальшим комиссаром по кооперации будешь!

Котовского понесли на носилках. Спешно увозили в Москву — делать операцию. А победители котовцы в селе Кобыленка по лотерейным билетам разыгрывали единственную еще не расстрелянную женщину из отряда Матюхина: кому перед расстрелом она достанется.

7. СМЕРТЬ КОТОВСКОГО.

С 1922 года у Советского государства нет фронтов. Замерли боевые карьеры красных маршалов. На Украине в районе Умани, Гайсина, Крыжополя причудливой страной раскинулся, встав на квартиры, 2-й конный корпус имени совнаркома УССР. Им командует красный маршал Григорий Котовский.

Он уже почти «член правительства» России, член реввоенсовета и трех ЦИК'ов — Союзного, Украинского и Молдавского. За боевую деятельность Котовский награжден всеми наградами, которые выдуманы в коммунистическом государстве: кавалер трех орденов «Красного знамени» и обладатель революционного почетного оружия.

Это вершина государственной лестницы — карьера былого разбойника бессарабских больших дорог.

Но странна жизнь 2-го конного корпуса, словно забыли в перечень советских республик вписать еще одну автономную республику «Котовию».

Много хлопот у реввоенсовета с этой «республикой» и много врагов в реввоенсовете и среди головки партии у 40-летнего неперебродившего, неугомонного разбойного Григория Котовского.

Перед прекрасным буржуазным особняком — иностранцы, польские купцы, продающие корпусу сукно, дожидаясь, стоят вперемежку с советскими военными из «Хозупра». День жаркий, июльский. Долго дожидались комкора Котовского, дважды бегали ординарцы докладывать. Наконец под чьими то тяжелыми шагами

Прим. автора. О жизни 2-го корпуса и его командире см. напечатанную в газете «За свободу» интереснейшую стенограмму Игоря Абугова «Котовщина».

заскрипели деревянные ступени и сквозь широко распахнутые стеклянные двери вышел комкор Григорий Котовский.

То-есть нет, это не командир корпуса, это к европейским польским пиджакам вышла скифская, мускулистая, волосатая Азия. Товарищ Котовский появился перед купцами в одних трусиках. И пораженным полякам этот уж уставший атлет проговорил полнокровным, привыкшим повелевать, басом:

— Пожалуйста, не стесняйтесь, господа. Если 30 градусов жары, то почему ж не ходить голым?

В роскошном кабинете командира корпуса — драгоценное оружие по стенам, мебель красного дерева с бронзой, карельская береза, из соседней комнаты слышен радио-аппарат передающий Лондон. Здесь все приятно глазу и слуху, только необычный костюм, да непринужденный басовой смех хозяина смущают иностранных гостей.

Но за ужином, переливаясь, горит хрустальная барская люстра. Ловко и бесшумно, как дрессированные мыши, бегают, подают ординарцы. Меняются блюда, водки, вина, шампанское. В русских и польских руках чокаются перезвоном бокалы и рюмки.

Командир корпуса теперь уже в гусарских чикчирах, в серой венгерке, с тремя красными бантами орденов. На короткой бычьей шее рельефно выступает сеть упругих толстых жил. Тяжелые, умные, ищущие глаза под низким упрямым лбом. Если б не глаза, казалось бы, никакой мысли не бьется в этом громадном атлетическом теле.

Котовский в ударе. Рассказывает гостям про свою знаменитую дуэль с польским уланом в коридоре

двух еще не сшибшихся кавалерийских колонн. Он даже горячится воспоминанию и слегка заикается, отчего разломанное, задержанное слово еще сильней и выразительней:

— ...и как сплеча ррубббаннул я его!

И вместе с взмахом сильной руки над обутыленным и цветущим столом, кажется, что закровянился багряный бант у Котовского на груди.

Гости вторят смеху, хоть рассказ и не особенно тактичен, но ничего не поделаешь, сукно продается. А Котовский представляет уж своих котовцев, как они вспоминают боевые дни, раскрашивая их причудливым враньем.

— Они у меня все ведь «Кузьму Крючкова» зарубили, все как есть! Двадцать раз по-разному рассказывают. Только спроси, так и пойдет без устали: — «Под Царицыным в 19-м году, братишка, было, — с изумительной верностью начал копировать Котовский бойцов, — как запели командиры аттаку, как пошли мы карьером из Черного Яру, гляжу за реченкой у деникинцев казак гарцует. Конь под ним трепака пляшет, сам то ражий, грудь, что кобылий зад, руки во-о! В руках сабля вострая, золотая, царский подарок. Я его враз по спишкам узнал. На спишной коробке еще при царе патрет яво был. Запомнился. Молись, кричу, Иуда свому Николаю! За офицерские партянки, Кузьма, погибаешь. И хватанул я яво по башке! Покатился. В царицынском парткоме в спирту и теперь башка сохраняется...»

И опять общий хохот. Это — Котовия. «Республика Котовия». Здесь «президент — Котовский». Но недаром жена комкора жалуется, что «у Григория Ива-

новича в реввоенсовете и в ГПУ много врагов». Да, много врагов. Инспектор красной конницы, московский маршал Буденный, близок Кремлю потому что перебродил и верен генеральной линии партии. А Котовский в 40 лет еще бродит, неугомонен, анархичен вождь второго корпуса. Здесь нет никакого закона, кроме «Котовского». Он и вождь, и трибунал, и государство для поседелых и молодых рубак котовцев, что в казармах тоскуют без военного грабежа.

Котовский на полгода уезжает в Москву, слушает курсы в Академии генерального штаба, но там недовольны им из-за «атмосферы» в корпусе. Словно сам комкор покрывает эту «запорожскую сечь» Котовию, где не растет марксизм, необходимый коммунистическому войску.

Стратегией, тактикой, строем, рубкой глиняных чучел за неимением живых еще занимаются котовцы. Но как только зовут на доклад о международном положении, о немецком пролетариате, о предательстве Макдональда, один за другим командиры рапортуют: «прибыть не могу, кобыла сапом заболела...»

Неосторожно много вместо партийных директив вложил себя в свой корпус Григорий Котовский. Слишком вымесил своих партизан в беспрекословном подчинении комкору, обезличил все, подчинив себе. Здесь все растет в легенде партизанщины и вольницы.

— Мы котовцы...

— Так сказал Котовский...

И все кончено.

Ничего из старого, разбойного, авантюрного, фантастического багажа не забыл командир корпуса Ко-

товский. Этот тяжелый атлет по-прежнему любит эффекты, отчаянность и позу.

Во время ультиматума лорда Керзона в 1923 году Котовский появился в Харькове на съезде незаможников. Съезд шумно приветствовал популярного красного маршала. В ответ Котовский произнес пышную невероятную речь. Он заверял съезд, что у красной армии найдется свой ответ на ультиматум английского лорда. Сжатая в кулак правая рука его все время обращалась к дипломатической ложе. Но подойдя к самому патетическому месту, Котовский вдруг закричал:

— И я, как командир 2-го конного корпуса заявляю, что одним ударом, одним блеском наших клинков!..

Котовский вырвал из ножен блестящую шашку и потряс ей над головой.

И вдруг в зале все, как один, поднялись и, как в зеркале, отразили позу, в которой на эстраде застыл комкор Котовский. Конца речи никто не слыхал. Он потонул в буре аплодисментов.

А накануне, заявив, что он выступит на съезде с речью и решив заранее, что во время речи обязательно выхватит шашку, Котовский в гостиннице чистил клинок, заставлял даже приходивших к нему помогать. И входившие в номер заставали Котовского перед зеркалом, выхватывающим из ножен шашку.

— Ааа, дьявол, — ругался Котовский, — никак не выходит, подлюга!

Но все-же на съезде всех ослепил Котовский сияющим клинком.

Он по-прежнему любит и авантюрные, фантастиче-

ские романы. В кабинете его рядом с «Историей РКП(б)» лежит демонстративный «Тарзан». «Тарзан» очень нравился Котовскому и, засыпая над «Историей РКП(б)» комкор переходил к «Тарзану».

— «Тарзан», знаете, после «Истории РКП(б)», это как шампанское после касторки, — смеялся комкор.

Кроме «Тарзана» Котовский любил романы Пьера Бенуа. И даже до того, что возмутившись однажды на маневрах неладностью дивизии Криворучки, отдал в приказе по корпусу:

— Части товарища комдива 3 Криворучко после операции выглядели, как белье куртизанки после бурно проведенной ночи!

Все что любил в детстве и юности, авантюру, театральность, браваду, пышное, озорное, чем жил в разбое на больших дорогах, — не ушло и от 40-летнего красного маршала Котовского.

Поэтому-то, вероятно, несмотря на большие заслуги перед Советским государством, количество врагов у Котовского в мирной жизни возрастало с необычайной быстротой. На 7-м году революции, а любит все же о себе сказать Котовский:

— Я ведь, знаете, — анархист.

И верно, Котовский, конечно, родной брат тех швыряющих бомбы в театры и кафе с криком — «Да здравствует анархия!»

7-го августа 1925 года в официальном органе партии «Правда» появилась странная телеграмма: «Харьков. В ночь на 6-е августа в совхозе Цувоенпромхоза «Чебанка», в тридцати верстах от Одессы, безвременно

погиб член Союзного, Украинского и Молдавского ЦИК'а, командир конного корпуса товарищ Котовский».

На похоронах над могилой Котовского соперник его по конной славе и популярности Семен Буденный говорил:

— Мы, кавалеристы, склоняем над открытой могилой свои боевые знамена и обещаем нашему Союзу, что имя товарища Котовского будет в нашей памяти в боях и вне боя.

Можно подумать, что Котовский убит на поле сражения. Нет, смерть члена трех ЦИК'ов и популярнейшего маршала — темным-темна.

В 1882 году, пользовавшийся широчайшей популярностью в войсках и в обществе, знаменитый белый генерал М. Д. Скобелев, человек рискованного и бурного темперамента, связанный с неугодными правительству течениями, — умер внезапно таинственной смертью в гостиннице «Англетер». Знали все, что царь, двор, сановные военные круги ненавидели Скобелева, несмотря на все заслуги перед государством. И вокруг смерти популярного вождя поползли слухи, что «белый генерал» отравлен корнетом-ординарцем.

Но кто ж убил «краснаго генерала»? Из маузера несколькими выстрелами в грудь Котовского наповал уложил курьер его штаба Майоров. За что? В газетных сообщеньях о смерти солдатского вождя — полная темнота. То версия «шальной бессмысленной пули во время крупного разговора», то Майоров — «агент румынской сигуранцы». Полнейшая темнота.

Но был ли судим курьер штаба Майоров, о котором газеты писали, что он «усиленно готовился к убийству и чтобы не дать промаха накануне убийства практиковался в стрельбе из маузера, из которого впоследствии стрелял в Котовского»?

Нет, в стране террора Майоров скрылся. Агент румынской сигуранцы? А не был ли этот курьер штаба той «волшебной палочкой» всесоюзного ГПУ, которой убирают людей «замышляющих перевороты», людей опасных государству?

О Котовском ходили именно такие слухи.

В смерти Котовского есть странная закономерность. Люди, выходившие невредимыми из боев, из тучи опасностей и авантюр, чаще всего находят смерть от руки неведомого, за «скромное вознаграждение» подосланного убийцы.

Для Котосвкого таким оказался — курьер штаба.

В Одессе, в былом так хорошо знавшей Котовского, красного маршала хоронили помпезно. В городах расположения 2-го корпуса дали салют из 20 орудий. Тело прибыло на одесский вокзал торжественно, окруженное почетным караулом, гроб утопал в цветах, венках. В колонном зале окрисполкома к гробу открыли «широкий доступ всем трудящимся». И Одесса приспустила траурные флаги.

Прибыли маршалы союзных республик и боевые товарищи Котовского. Под громы и стоны траурного марша Шопена по Одессе понесли тело. Над могилой сказали речи — Егоров, Буденный, Якир. Именем Котовского назвали один из красных самолетов — «Пусть

крылатый Котовский будет не менее страшным для наших врагов, чем живой Котовский на своем коне». — Несколько городов постановили именем Котовского назвать улицы. Наконец пришли предложения поставить вождю красной конницы памятник.

Может-быть и поставят Котовскому памятник: — памятники молчаливы, памятники ничего не рассказывают.

ПОСТСКРИПТУМ. В 1975 г. мой «Котовский» печатался в нью-иоркской газете «Новое Русское Слово». После напечатания, 15 августа 75 г., за подписью З. Ш. появилось «письмо в редакцию» под заглавием — «Эпилог дела Котовского». Вот его текст:

«Не откажите поместить в НРСлове следующий кровавый эпилог к статье г-на Р. Гуля «Котовский — красный маршал», которая печаталась в Вашей газете в июне с. г.

Когда в 1940 г. советские войска заняли Бессарабию, советская власть разыскала того бывшего полицейского, который участвовал в поимке Котовского в 1916 г. в кукурузном поле и подстрелил его.

Его «судили», нашли виновным в том, что он ранил Котовского, и расстреляли. Все, кто был в то время в Кишиневе, могут подтвердить это жестокое и бессмысленное убийство, так как об этом писали в местной печати.»

Несомненно, что тут речь идет о бывшем приставе Хаджи-Коли, который 25 июня 1916 г. в селе Стоматове с отрядом полиции арестовал Котовского. При чем в перестрелке с полицейскими Котовский был ранен. Хаджи-Коли выполнял свой служебный долг по поимке уголовного преступника и ни в одной стране за это его бы не расстреляли. Но разбойничья большевицкая «юстиция» убила его. Впрочем, большевики убили и самого «анархиста-маршала», замаскировав убийство неким «таинственным недоразумением».

Р. Г.

Роман Гуль в 1970 г.